

Светлана Гамаюнова

Сказки
птицы Гамаюн

Светлана Гамаюнова

Сказки Гамаюн

«Автор»

2016

Гамаюнова С.

Сказки Гамаюн / С. Гамаюнова — «Автор», 2016

Как принято, в некотором мире, юные принцы отправляются в дорогу мир посмотреть, невест поискать. Так и сделали два брата. Домом им становятся, сосновые ветки и плащ, расстеленный просто на земле, костер, да еще новый спутник рядом. Страшненький жуть какой на вид спутник -паренек и очень необычный. Прошлого не помнит считает, что Лес ему отец, а мать Дорога, дружит с мавками и русалками. В путях- странствиях выясняется, что и не спутник — это вовсе, а спутница. Многое случается в дороге: в тереме Марьи Искусницы смертельная опасность ожидает и не просто оттуда выбраться живым; Елена Прекрасная –прекрасна, да только нужно ли ее освобождать? Да много еще чего случается. Любовь, например, но как ее на двоих разделить, когда девушка одна, а их двое?

© Гамаюнова С., 2016

© Автор, 2016

*Словно семь богатых лун
На пути моем встает –
То мне птица Гамаюн
Надежду подает!
В. Высоцкий*

Птица Гамаюн – птица Вещая, живет от сотворения мира и многое знает, многое ведает и прилетает иногда рассказать людям про добро и зло. Голова у нее девичья, тело птичье, оперение, разноцветное, переливающееся. Часто видят в её лапах свиток с текстами. Крик Гамаюн услышать – значит, добрую весть получить, а ещё предвещает она счастье. Любит она петь людям божественные песни. К ней за советом обращается тот, кто знает, что спросить, и кто умеет понимать тайное. И еще она пророчит будущее, но лишь тем, кто готов его принять.

Сказки птицы Гамаюн

Пролог

Сказки птицы Гамаюн

В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, как положено, жил царь с царицей. И родилось у них двое сыновей-погодков. Хорошие, здоровенькие мальчики, радость папы и мамы. Воспитывали их как надо, да ведь не везде проследишь – шkodничали иногда, баловались, но куда без этого. Неплохие росли мальчики.

А чуть позже, лет через несколько, в семье главного егеря родилась девочка. Жена у егеря красавица была писаная, откуда пришла – никто не знал, да и не больно-то она рассказывала, откуда. Только полюбил ее егерь сильно-пресильно, и родилась у них дочка – вылитая мать. Только вот мать родов не выдержала и скончалась, оставив их вдвоем. Егерь сильно горевал, не знал, как девочку воспитывать, вся его работа была делом мужским – кабанов да оленей высматривать, зимой подкармливать, смотреть, где и как зверушки обитают, не шалят ли люди в лесу да не появляется ли нечисть. Важное дело было еще охоту царскую организовывать, особливо, когда гости иноземные приезжают. В общем, много работы нужно было делать – почитай, все время в лесу приходилось пропадать, но и окладом царь не обидел, ценил егеря.

Как только дитя стало подрастать, стал дочь с собой в лес брать. Сначала за спиной, потом на коня посадил, понимать зверей и птиц научил, – а вдруг в лесу девчонке одной придется остаться, так ведь и защитить себя надо. Научил егерь ее из лука стрелять, нож кидать да коротеньким мечом махать. Способная девочка оказалась, науку лесную хорошо освоила, тихо по лесу ходила, ветка не шелохнется. Костер в любую погоду разожжёт, зайца, если голодно, поймает, похлёбку сварит, да и как будто язык звериный понимала. Славная девочка была.

Беда приходит всегда ниоткуда. Егерь-то молодой мужик был – погоревал о своей красавице жене, да и решил жениться. Когда мужики решают жениться, мозги у них из головы в другое место опускаются. В общем, выбрал себе статную вдовицу с двумя детьми дочкиного возраста, чтобы ей расти в девичьей среде да подруги у нее были, вот и женился. Оказалась та вдовица такой ведьмой отвратной, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Пока все имущество на себя не перевела, муж еще нужен был, а как все бумагами завершила, так муженька на тот свет тихо и спровадила, не подкопаешься. Вот тут и дочка его поперек горла встала. Убить дитя – ведь всего четырнадцать лет, даже у ведьмы рука не поднялась, так она ее из дома выгнала и под страхом смерти возвращаться не велела – может, сама где сгинет. Девочка пошла туда, где знала, что не пропадет, то бишь в лес. Через день пути вышла к избушке лесной знахарки, да и осталась там.

Тем временем молва пошла, что, мол, не пропала дочка егеря, а живет в лесу, и, как есть она, такая же хорошенькая да добрая. Не понравилась эта весть егеревой вдове, зачем слухи плодить. Открыла она свою колдовскую книгу и долго читала, как сделать так, чтобы напрочь забыли про егереву дочку, как и не было её на свете. И нашла...

Небыстро добралась до избушки лесной знахарки, подождала, когда она по делам уйдёт, пришла в дом и сказала девчонке:

– Заклинаю тебя заклятом сильным, что забудешь ты, кто такая, и все забудут тебя, а личико твое хорошенькое и фигурка ладная превратятся в незграбу мужеподобную. Волосы светлые волнистые – в рыжие патлы мохнатые, а что сладкое любила, пойдет тебе во вред, и на него будет у тебя золотуха, будешь шелушиться и чесаться, как шелудивая. Поэтому нарекаю тебя теперь Золотушкой. Все, жизнь твоя прошлая закончилась, через полчаса заклинание войдет в силу.

Но не успела она окончательно закончить волшебство и улизнуть, вернулась добрая знахарка лесная, увидела беду приключившуюся и сказала:

– Может, и заберешь ты внешность ее нежную, но глаза чудесные, говорящие останутся, да и навыки, коими владела она, сохранятся. И сохранится проклятье не на веки веков, а только пока не оценит и не полюбит ее человек в этом образе ужасном за душу храбрую, ум быстрый, руку товарищескую, и тогда всё возвратится, как и не было плохого, и всё радостью обернется.

Но последнее слово осталось за ведьмой.

– Вы все всё забудете сейчас, посылаю проклятье забвения на всё, что связано с Золотушкой. И меня забудете.

И ушла.

Часть первая. Начало пути

Жизнь у Микулишны

Я сидела и тупо смотрела на стены избушки. Вроде бы и место чем-то знакомо, а кто я и что здесь делаю – не знаю, ничего не помню, только имя свое странное – Золотушка – знаю. Напротив, сидит женщина – ни молодая, ни старая – и удивленно меня рассматривает. Решилась все же прервать молчание.

– Здравствуйте, – говорю. – Вы не скажете, где я и что тут делаю? Почему я не помню, как сюда попала, кто я такая, откуда?

– Зови меня Микулишна. Травница я, знахарка лесная, а ты теперь девчонка лесная, обе мы с тобой из одного леса и пока у нас один кров, одна жизнь. Как ты ко мне попала – не помню, откуда пришла – не помню, но, видимо, живешь уже некоторое время, раз пожитки твои нехитрые у меня в хате лежат. Знаю только, что зовут тебя Золотушка, но уж имя какое-то странное. Золушка – красиво и подходит, да уж больно ты на девочку не похожа, Тушка – тоже не подойдет, худа ты больно, сокращу-ка я имя твое до Лотта, а то и лучше просто Лот, не всем нужно знать, что девушка со мной в лесу живет, лучше пусть у меня в помощниках парнишка будет. Что произошло, не ведаю, память как отрезало, да, видать, так судьба распорядилась. Богиня Макошь с дочерьми Долей и Недолей прядут нитки судьбы, и иногда нитки так запутываются, что узор совершенно неожиданный получается. Но не все люди слепо подчиняются судьбе, некоторые сами узор себе выплетают. А уж того, кто рождается в единственный день, когда Макошь с дочерьми покидает светелку и нитки свои оставляет, а берёт их богиня неписаных судеб и запретных дорог, ждет судьба дивная, и ходить он будет тропами нетоптанными, много невиданного узнает. Даже Суденицы, наши духи судьбы, приходя в ночь на третий день к такому народившемуся дитяти, не могут его жизнь увидеть и ничего ему не пророчат. Чудные эти люди, и судьбы их чудные, мне кажется, и ты такая. Так что, Лотта, пока поживёшь у меня. Знаешь, в твои годы жизнь просто так не останавливается. По дому помогать будешь, вон работы сколько – травы не перебраны, коза не доена, куры не кормлены, щи не сварены, дрова не колоты.

Мне нравилось жить у Микулишны. Что-то было в травнице такое, что трудно передать словами – уверенность в завтрашнем дне, умение постоять за себя, не горевать об утерянной, возможно, лучшей жизни, ожидание только хорошего от будущего. Её небольшое хозяйство ладилось как бы само по себе. Жила она с продажи трав и зелий, которые носила раз в неделю в деревню. Раньше некоторые жители деревни могли пройти по лесу и дойти до избушки, но с моим появлением лес стал почти совершенно непроходимым, из людей только мы вдвоём могли беспрепятственно передвигаться по нему. Остальных ветки ловили да дальше не пускали.

Мы долго гадали, что же было в моей прошлой жизни, кто я есть и откуда. Все виделось, как через мутное стекло, и было необъяснимо. От прошлой жизни остались только умения. А умела я для девчонки немало чего. Я знала все лесное зверьё, его повадки, различала следы,

чувствовала птиц. Умела подходить к ним совершенно бесшумно. А главное – я ощущала лес, чувствовала его, как человек чувствует приближение грозы, не видя на небе еще ни одной тучки. Чувствовала, как он растёт, о чем шепчутся деревья и травы. Я любила наблюдать, как мышкует лисица, не боялась увидеть медведя, мы с ним как люди, не жаждающие встречи друг с другом, расходились по своим делам, разве что не раскланиваясь. Кабаны, даже с детёнышами, не шарахались и не нападали на меня, а воспринимали как неотъемлемую часть леса – впрочем, как и другие его обитатели. Лес полон всякой нечисти, только для меня эти существа были лучше, чем люди, которых я почему-то боялась и не хотела показываться им на глаза. И по какой-то непонятной мне причине сразу сказала себе и Микулишне, что в деревне мне делать нечего. Жители прослышали про паренька, живущего у неё в доме, и посчитали, что он не совсем в себе, чуть-чуть юродивый да уродливый, потому на люди не показывается. Я и не рвалась туда. Микулишна принесла мне пару мальчишеских штанов и рубашек да кафтан для тепла. Мои стриженные волосы росли очень плохо, и я совершенно походила на мальчишку-подростка.

Лес наш большой был, а в последнее время, как говорила Микулишна, стал как заколдованный, почти никто не мог по нему ездить или за грибами ходить. Пугал он деревенских: то Мавка кому корягу подставит, то рыжие да кудрявые Мавкенята начнут так хихикать, что мороз по коже, а уж когда в лунную ночь на охоту выезжала да мчалась за оленем на быстром коне с луком красавица Девана в куньей шубе, всем вокруг места было мало. Мчались ловчие гончие, нёсся конь, уносились прочь олени, летели стрелы. Ничто не останавливало охотницу.

Мы весной встречали Лелю-красавицу – стройную, вечно юную. Она приходила, и наш лес просыпался от зимнего сна. Где ступала нога ее, зеленела трава, пролески поднимали синие головки, хотелось смеяться и петь, и чувствовалось, как прекрасна жизнь.

Кукушкой в мае прилетала Жива – богиня, дающая жизнь и жизненную силу, а девушки в деревне, задабривая ее, завивали венки на берёзах.

Иногда встречала всегда приветливую к нам кареглазую, с длинной темной косой молодую девушку – богиню Тару. Она была совсем своя, этот лес, эта дубрава были её, она собирала на лужайках травы, подходила к могучим деревьям-великанам, притрагивалась рукой к шершавой коре и сразу понимала, чем живёт лес. Она ведь богиня – покровительница живой природы и к тому же особенно любила лес. Мы тоже любили ее – добрую и тихую, ранимую и одновременно могучую, удивительную.

А я любила осень – может, родилась осенью, может, зачали меня в это время. И когда приходила со своей неотвратимостью почти нагая Сива, богиня осени, я чувствовала особую лёгкую щемящую грусть. Сива такая разная – то радушная, то равнодушная, то уверенная и нежная в своей заботе, то буйная, в порыве срывающая листья, раскрашенные ею же в яркие цвета, и устилающая ими землю или топящая золотую красоту в озере. Она собирала в стаи птиц, откармливала зверьё, рассказывая им, что тепла не будет, забирая надежду. То радовала людей урожаем, засыпая зерном, протягивала им то спелую грушу, то яблоко, а то подхлёстывала нерадивых поспешить, готовиться к переменам и, проносясь над лесом ураганным ветром, поливала землю холодным дождем. Коварная и непредсказуемая в своей извечной изменчивости, в понимании, что перед зимой не надышишься, будет холод и мороз. Она вдруг улыбалась бабьим летом, как бы рождая надежду на то, что все будет хорошо, но очень недолго, и вы поживёте и в золоте, и в тепле и достатке, только сколько это продлится? Грядут перемены. Перемены грядут.

– Смотрите, – кричала Сива, – я нагая, как природа поздней осенью, я рыжая, как листва, я горячая, как губы девушек перед свадьбами, которые справлялись в это время. Я прихожу неотступно и говорю: «Перемены идут. Идут перемены».

А я, Лотта, вздрагивала – и ждала, и мечтала об этих переменах.

А навстречу нам летела листьями осень.
Раскричалась птицами залётными.
Ветками шуршала оголёнными.
Укрывала мыслями запретными.
Капли крови клюквою рассыпала,
Промокнув багрянец покрывалами.
Усыпляла шелестом заманчивым,
Дождиком неистовым заплаканным.

Я сделала себе отличный лук, тугой и легкий, и стреляла из него рябчиков, уток и гусей. Иногда ставила петли на зайцев. Нам с Микулишной хватало. Не знаю, сколько лет ей было, она не говорила. Сказала, что женщине задавать такие вопросы неприлично, но что ещё не старую женщину заставило уйти в лес – не сказывала. Как-то вскользь оговорилась, что был у неё суженый, только сгинул, ушёл и не вернулся. Видать, не судьба ей идти по Пути дома и любимого, а ее Путь – хранить лес да учиться понимать суть вещей. Как она это делала – начала мне рассказывать не сразу.

– Суть, – говорила Микулишна, – нельзя увидеть глазами, а можно почувствовать. Вот ты смотришь на дерево и должна понять – здорово ли оно, нет ли в середине гнили. Так же и люди – может, снаружи красавец писанный, а внутри чернота у него. Это все чувствовать надо. Когда живешь в деревне, там кругом люди, от них много шума, где уж тут суть научиться определять и видеть. Сначала надо, чтобы тихо было, убрать лишнее в себе и слушать.

Только вот определить, кто я, и она не могла.

Гадалка

Однажды Микулишна попросила помочь мне поднести ей зелья, мази и травы – их оказалось много, и ей бы пришлось ходить дважды.

– Донесешь до опушки, а в деревню не пойдешь, не хочу, чтобы тебя видели. Я сегодня недолго, посидишь на опушке, подождешь.

Я, конечно, только «за», любопытно куда-нибудь сходить, хоть издалека на людей посмотрю. Лес поредел, мы вышли на опушку. Микулишна дальше зашагала по лугу, а я осталась сидеть и ждать. Потихоньку творила руками пасы, тренировалась. Сгибала и разгибала пальцы, чтобы они были гибкими, правильно двигались и не подвели при необходимости. Немного побросала кинжал, который Микулишна заказала у местного кузнеца. Кинжал больше походил на кухонный нож, но бросала я его хорошо. Потом смотрела на небо и чего-то ждала. Чувствовала, что что-то произойдет.

И вот на тропинке, идущей вдоль опушки, появилась легкая фигурка женщины. Она не шла, а как будто летела по воздуху, не касаясь земли, только длинная юбка хлестала по ногам. Таковую необычную личность я еще не видела. Женщина поравнялась со мной и стала, не стесняясь, пристально меня рассматривать. Так пристально на меня ещё никто не смотрел, разве что коза, когда я ее собиралась доить, и она ждала от меня кусочек хлебушка. Я постаралась вежливо поздороваться и сделала вид, что ничуть не удивлена появлением кого-то в моём поле зрения. Женщина была молодая и с невероятно яркой внешностью. Глаза у нее горели, а губы таинственно улыбались.

Она сказала:

– Интересно. Здравствуй, не тот, кем кажешься. А не хочешь ли узнать свою судьбу?

– Здравствуй. Почему ты меня так назвала? И чем я тебе интересен? Мне нечем заплатить тебе за гаданье, да и судьба у меня, наверно, самая обычная.

– Говорю, что не тот, кем кажешься, потому, что хоть и в штаны одет, и внешне похож, да не парень ты, а девка.

– Ну, может, и не мальчик, но на него похож, а кем я еще кажусь и чем интересна?

– А заинтересовала ты меня тем, что ты не такая.

– Какая не такая? Дикая, грязная, уродливая?

– Не такая, как большинство, потому что таких много, очень много. Они заполнили весь мир и мне изрядно надоели. Их мечта – услышать, что в будущем их ждёт богатый, красивый муж и куча детишек. Мечтают о принце, а сами от корыта головы поднять не могут. Я за свою жизнь так много видела людей, что и без карт могу сказать, кто они, а иногда – что их ждёт, потому что они как раскрытая книга, и жизнь их проста и незатейлива – дом, труд, май от слова маяться. А ты интересная. Люблю загадки. Для меня их не так уж и много.

– Может, я тоже мечтаю о принце?

– Может, и мечтаешь. Но не только о нём. Так что давай погадаю. У меня особые карты, они не похожи на обычные.

– Человек не может заранее знать, что ему откроется: дивный новый мир или то, что заставит его свести счеты с жизнью. Зачем мне это?

– Хорошо, буду тебе гадать на вероятность, так как твоя жизнь, как я вижу, ещё не определена, ты дочь пути, а вот от того, каким пойдешь, будет зависеть твоя судьба. Знаешь, бывают люди непутевые или беспутные. Они сбились со своего пути и не хотят ничего менять. Я могу предложить тебе много путей, и многие из них счастливые. Какой выберешь? Вот смотри – это «путь дома и любви». Многие девушки его желают, да не все получают. Вот «путь детей и хозяйства», «путь ожидания счастья». А можешь выбрать «путь странствий», твоя карта. А вот будет ли там и любовь, уже зависит от тебя. Вот видишь – это карта пути, а вот это – ты, путница.

Я смотрела на мелькающие карты, почти в каждом раскладе мне выпадали пути. О каком из них я мечтала? Я сказала:

– Да, уважаемая госпожа Гадалка, я понимаю, что меня ждет дорога, я чувствую это. Может, я и странница, а может, мой путь недолог, но он манит, зовет, я без него умру. Он говорит, что я должна найти что-то, а что – не знаю. Как в сказке: пойдти туда, не знаю куда, найди то – не знаю, что.

– Смотри, а вот карта выбора. Направо пойдешь – богатство найдешь. Налево пойдешь – друзей найдешь. Прямо пойдешь – любовь найдешь.

– Нет, любви мне пока не надо, я и себя-то не люблю, как могу кого-то полюбить? Пойду-ка я налево, интересно ведь, как это – друзья, я ведь только с Русалкой и Мавкой дружу. Микулишна мне как мать, но я знаю, что не так уж долго я с ней еще проживу.

– А я все равно брошу тебе карту на короля. Суженый – он ведь и есть суженый, а тут ещё и суженый для ряженой, интересно.

Она быстро перетасовала колоду и, закрыв почему-то глаза, стала шептать слова. Потом ловко бросила карты веером, но порыв ветра сбросил часть их на землю. На коленях осталось лежать несколько. Гадалка хмыкнула.

– Ой, как интересно, а тебе выпадает два короля: и понравишься ты им, и рядом будут, а вот будешь ли с кем из них – от многого зависит.

Она еще раз раскрыла карты и усмехнулась опять.

– Карта судьбы у тебя больно странная. Не видела еще, чтоб она в таком раскладе выпадала. Вот смотри: Богиня Жива, «дающая жизнь», дала тебе при рождении столько сил, сколько вынесешь. А вот, смотрю, пожаловали в дом три сестры Суденицы – духи судьбы, как положено, на третий день после родов, но так и не смогли пророчество сотворить. Да и сама Макошь с дочерьми Долей и Недолей нити твоей судьбы не определяют, узор не они выкладывают.

Она опять кинула карты.

– О, да ты родилась в единственную ночь в году, когда приходит богиня неписанных судеб и запретных дорог, и кто в эту ночь родится, того ждет судьба дивная, и ходить он будет тропами нетоптанными, много невиданного узнает. Лотта, многие будут пытаться изменить твою судьбу – и ведьма злая, и Микулишна, что часть проклятья сняла, и другие. Но никто не сможет повлиять на течение твоей жизни. Плести её будешь сама, а вот как получится – не знаю, и не на кого тебе будет пенять – раз сама выбираешь, то и отвечать тебе. Редкой женщине такая доля выпадает. Вот так-то, Золотушка. Я обязательно приду посмотреть, что получится через время – развернулась, сложила колоду и быстро зашагала прочь.

А я и забыла спросить, откуда она меня знает.

Вскоре пришла Микулишна, я взяла у неё муку и стала рассказывать про странную гадалку.

Она призадумалась.

– Что-то скоро изменится, Лотта, недолго тебе здесь осталось зайцев гонять.

Русалка Сильведея

Лес полон обитателей. Это не только звери и птицы, но и мавки, лешие, болотницы, русалки, дриады. Просто не надо бояться леса – и они не будут бояться тебя и трогать не будут. Микулишна научила меня с ними общаться, да мне кажется, что я и раньше умела. Бродя по лесу, я встречалась со многими. Зная, что я живу у Микулишны, никто не пытался меня обидеть, а потом, познакомившись со мной ближе, они относились ко мне с какой-то трогательной нежностью. Удивляюсь, что у людей они назывались нечистью: все бы были так бесхитростны, как они – было бы прекрасно. Ну, заставят поплутать кого-то чуть-чуть, ну, могут неосторожного затащить в болото, ну, утянут к себе в озеро, так не со зла же, просто скучно ведь. Я подружилась я с двумя лесными обитательницами, вернее с одной лесной, а с одной водяной – с Мавкой и Русалочкой. Каждая из них была для меня кладезем знаний о жизни. Они были просто необыкновенными, и я их обожала. Часто, особенно в летнюю жару, я прибегала к озеру, бросалась в воду и, когда появлялась Русалочка, мы плавали наперегонки, ныряли, брызгались, потом я плюхалась на песок, согревалась и перебиралась на большой пень, торчащий из воды. Русалку звали Сильведея. Откуда произошло столь экзотическое имя, она не знала, а чаще всего её просто звали Сильва, лесная. Она приплывала ко мне, вылезала до пояса из воды и начинала расчёсывать свои удивительные голубоватые волосы. Когда она проводила по ним гребнем, казалось, все вокруг замирало от восхищения, а когда ближе к вечеру, наболтавшись, она начинала петь, даже ветер замирал на окружающих озеро ивах.

Вы думали – я такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
А я усмехнуться посмею,
Глаза от губ отведу,
Я душу мужскую не грею,
я просто краду ея.

Глядя на неё, я понимала, почему перед ней не может устоять ни один мужчина.

– Нравятся тебе мои волосы, Лотта?

– Да, очень красивые.

– Они не просто красивые, ведь это правда, что рассказывают о «русалочьих волосах». Если захочу, они поплывут сами, оплетут тело купальщика и вызовут они в человеке необъ-

яснимое пресильное любовное томление, такую страсть, что, когда увидит меня, ничего уже не помнит.

Она знала мужчин и, конечно, любила поговорить о них.

– Никто лучше меня не знает мужчин, Лотта. Слушай и учись. Лотта, ты девочка глупая ещё и неопытная. Я не могу тебя не просветить.

То, что меня это ещё не так уж и интересовало, она не могла понять. Но послушать подругу было интересно.

– Лотта, через мои руки прошло очень много мужчин. Разных. Они меня все любили, я зачарую – и меня невозможно не любить. У меня чудесные ножки, а не хвост, как у морских русалок. А грудь! Посмотри только на мою грудь, она мечта любого из них. Как сказал мне один мужчинка, она не меньше четверного номера, но я не ношу эти штуки, в которые её помещают дамы из города, и она до сих пор не опала. Я не старею, я умру только вместе с озером. Правда, один мужчинка рассказывал (ох уж эти аристократы), что такая грудь – это мечта простых мужланов, у которых баба должна рожать каждый год и кормить детёнышей, а у них, аристократов, всегда ценилась грудь, которую можно взять в ладошку.

Она зевнула.

– Ох, может, это и так, но как этот засранец любил целовать именно мою грудь, не передать словами. По-моему, он и повелся на меня прежде всего из-за груди, когда я вынырнула и села на пень. Увидев её, он уже был готов идти за мной хоть в ад. Лотта, девочка, жаль, что у тебя ещё нет большой груди, но надеюсь, что будет, тебе тогда будет легче привлекать мужчин.

Я очередной раз вздохнула.

– Сильва, ну зачем сдались такие груди, если всё остальное у меня страшнее не придумаешь?

– Лотта, ну что ты говоришь, ты просто красавица, только маленькая еще.

– Где ты нашла красавицу? Хотя у меня нет зеркала, но я вижу свои большие ноги, волосатые руки, не тонкую талию, серую кожу, а когда смотрю в озеро, вижу такую страхолюдину, от которой любой парень убежит. А волосы тонкие, блеклые, лохматые, непослушные, непонятного цвета, вроде как рыжеватые. Да я и совсем на девочку не похожа – просто невысокий страшенький паренек.

– Ах, Лотта, не знаю, что ты видишь, наверное, у меня другое зрение. Поверь мне, ты красавица, а за год, что тут живешь, стала еще краше.

– Ладно, Сильва, кончай эти разговоры, расскажи про себя что-нибудь ещё, я так люблю слушать твои сказки.

– Какие сказки, настоящая быль, – обиделась Сильва. – Поверь, просто преинтересные истории рассказывали мне мужчины. Многие мужчины, очень многие. Они приходили в мою жизнь ненадолго, но мне нравилось не только заниматься с ними любовью, но и слушать их истории. Хотя ты знаешь, не люблю простолюдинов, их истории скучны и однообразны, они не изощрены в любви, приходится их учить. А чему можно научить за сорок дней неотесанного лесоруба? Как ты понимаешь, немногому. Он привык к одной позе сверху, которой достаточно, чтобы сделать ребёнка, но он никогда не думал, что жене нужно доставить удовольствие. Другое дело принц. Ах, какой был принц, – она вздохнула.

Про эту встречу она любила рассказывать особенно. У её чудесного озера однажды оставился парень. Он напоил коня и устроился на ночлег. Потом пошел искупаться, так как был весь в дорожной пыли.

– Когда я его увидела, – говорила Сильва, – я поняла, что, если не околдую его, моя жизнь будет прожита зря. Он был удивительно хорош – высокий, черноволосый, просто не могу описать словами его грудь, плоский живот с рельефной мускулатурой, аппетитные ягодички, сильные руки. А лицо! До сих пор не могу забыть. Ресницы, как у девушки, губы, созданные для поцелуев, глаза, как мое озеро во время заката. Я пустила к нему мои волосы, и они оплели

его. Его глаза наполнились томлением. Я приплыла и запела так, как не пела никогда. Он не мог не пропасть, просто не мог. Первую неделю мы только и делали, что занимались любовью. Он был неуютим в ласках, и он умел ласкать. До сих пор помню его поцелуи за ушком, потом ниже по ключице, а как он целовал мою красивую грудь! Как горели мои губы, когда он касался их, как дрожали мои ноги, как слабели руки, когда он дотрагивался до меня. Если я кого-то и любила, так только его. Со второй недели мы начали иногда разговаривать. Он рассказал мне, что земля за лесом очень большая. Что на земле есть не только леса и озера – есть моря, которые в миллионы раз больше моего озера, места, где вообще ничего не растёт, он назвал их пустынями. Ты представляешь, какой это страх – ничего не растет, кроме колючек, и нет ни одного большого озера. Там живут совсем другие звери. А ещё есть леса, в которых вообще практически нельзя пройти, он назвал их джунглями, там водятся страшные хищные ягуары и обезьяны, которые чем-то похожи на людей, но они не нечисть, а животные. А в реках водятся огромные крокодилы с зубастыми пастьями, способные перекусить человека пополам. Он много чего повидал. Его путь лежит по разным странам, и ездит он по ним уже несколько лет – ищет то, чего не хватает его душе. Понимаешь, нет какой-то части его души, и без нее он не будет счастлив. Мои мужчины не могут жалеть о прошлом, но он, вернее, его душа, не нашедшая своей части, грустила. Ты знаешь, я отпустила его.

Мне было страшно интересно, моя душа очень хотела узнать, кто я такая, откуда, и еще она просто хотела увидеть мир за пределами нашего леса. Удивлённая, я спросила:

– Разве ты можешь отпустить своих мужчин?

– Конечно. Раз в десять лет я могу отпустить одного человека, и он не будет помнить обо мне. Может, останется только сладкое воспоминание о моих ласках, не более. Ты ведь знаешь, что они не могут жить в озере больше сорока дней, потом душа покидает их тело, и они погибают окончательно. Но большинство из них что жили, что не жили – одинаково. Что их жизнь, для чего? Мне их не жалко. А принца мне было жаль. Я, наверное, все-таки любила его. Как он целовался, какой ласковый был! И мне было жаль его душу. Он ушёл от меня через тридцать дней. Если бы он пробыл еще хоть день, я бы не смогла его отпустить. Потом почти год я никого не зазывала в озеро. Наверное, это была любовь, кто её знает, какая она на самом деле.

– А кого ты ещё отпустила?

– Да были изредка отдельные экземпляры. Помню одного паренька. Он попал ко мне как-то странно, сказал потом, что ему показалось, что это кто-то знакомый его зовет, и пошел в озеро. Он очень любил свою жену, как я поняла потом, когда отпустила. Мы весело кувыркались с ним, он был сильный и красивый, неистощим на ласки и приколы, и у меня в озере он не мог ее вспомнить. Но где-то в глубине его глаз я видела ее образ, они любили друг друга очень сильно, и душа его не могла забыть её даже под моими чарами. Она ждала его, я чувствовала это. Однажды она пришла к озеру, села и стала петь так же, как я пою, когда хочу заманить мужчину. Её любовь была сильнее моих чар, он очнулся. Жить ему у меня осталось совсем немного, и мне стало жаль их. Я отпустила его.

– Красиво-то как, вот это любовь. Я ещё в жизни никого не любила. И смогу ли я кого-нибудь полюбить или это чувство для избранных, достойных? Меня-то вряд ли при такой внешности могут полюбить. Говорят, от несчастной любви страдают. Только страдать и мучиться не хочу, а может, и любви вовсе не хочу, просто ты про нее так сказочно рассказываешь. Так кого ты еще отпустила?

– Ещё я отпустила одного учёного. Вот уж кто был странный. Воистину странный. Он сам пришёл ко мне на берег и стал спрашивать, как я живу в воде, сколько лет, чем дышу, какая у меня кровь. Я и пела ему, и смотрела на него так призывно, как только могла, но он не соблазнился. Потом сказал, что у того, кто сильно чем-то увлечён, вся энергия уходит на решение той задачи, которая для него жизненно важна. Даже слово такое, сказал, есть –

сублимация. Сказал, что долгие годы искал русалку и, наконец, нашел. Вообще странно как-то – сказал, что он не из нашего мира.

– Интересно, а разве так бывает?

– Наверно. Он пришел ко мне в озеро сам, без чар. Любовник из него был как из меня птица, но зато умный. Интересно было его послушать. Кстати, он рассказал, что таких, как я, в его мире нет, и еще что земля круглая, и если начать идти, то можно обогнуть ее и вернуться в то же место, что в его мире существует много народов, которые говорят на разных языках, у них разные обычаи, что его мир невероятно большой и интересный. А у нас он хочет попасть на чудный остров на севере, что называется «остров Буян», или его еще кличут «Макарийский», и залетают на этот остров птицы райские Гамаюн, Феникс, Алконост, Сирина. Есть там и другие чудные птицы, только очень трудно туда добраться, не каждый может – одного желания мало. У него пока не получилось. Вообще-то я его даже боялась, вдруг прирежет, расчленил и будет смотреть, как я устроена изнутри. Просто маньяк научный. Но про остров рассказывал интересно. Даже мне захотелось стать птицей и полететь посмотреть на тот остров, но я ведь не могу, а зачем мечтать о несбыточном. Мне бы мужика сейчас, только как ты тут поселилась, даже лесоруб ни один не дошел до озера. Интересно, почему?

– Я бы тоже хотела путешествовать, но ведь это путь мужчин, наверно. Интересно, почему мужчины видят в девушке только домашнюю хозяйку? Как смеется Микулишна, удел наших женщин – босая, беременная и на кухне. Я не хочу так. Не понимаю, чего хочу, но точно не этого. Буду думать.

– Почему, если очень хочется, ты можешь уйти. Учёный рассказывал, что в одной из стран существует традиция: девушка, обязательно девственница, совершает обряд и приносит клятву, что никогда не будет спать с мужчиной, рожать детей, будет носить только мужскую одежду и навсегда отказывается от своей женственности. После этого ей дают мужское имя и одежду. Она становится тем, кого называют «бурнеш». Никто больше не видит в ней женщину и к ней относятся как к мужчине, считаются с её мнением как с мнением других мужчин, и она становится равна мужчине, может сражаться с оружием в руках, заниматься мужской работой. Но нужно ли тебе это?

– Очень-очень интересно. Я сейчас и так почти как парень – одета как парень, выгляжу как парень, навыки у меня совсем не женские. Конечно, козу подоить умею, приготовить самое простое, чтобы наестся, умею. Может, мне отказаться от всего женского в себе до конца, принять обет?

– Дура ты, Лотта, не от хорошей жизни, наверно, они становились этими «Бурнеш». Не всегда и не все по здравому уму уходят в монахини. Думаю, что ты еще найдёшь себя, не стоит отрекаться от радостей, не испытай их. А эти радости, поверь мне, ну очень приятные.

– Все-таки эти девушки молодцы, они не побоялись стать другими. Ведь так сложно взять на себя ответственность и стать мужчиной. Они храбрые. А чего ты боишься, Сильва?

– Ой, да много чего. Боюсь, что пропадет озеро, и мне негде будет жить, боюсь холодов – когда мороз сковывает озеро льдом, мне не всегда снятся сладкие сны. А больше всего я боюсь влюбиться. Они ведь все уходят от меня, даже если я сама кого-то отпустила, они покидают озеро, берег, лес и уходят по своим делам, зачем я им? А я остаюсь одна.

– Ты, наверно, хотела бы, чтобы вернулся принц?

– Принцы – явление редкое, все девушки их ждут, только принцев на каждую не напасешься, вот и мой ушел.

– Ну, а мы с тобой сказочные персонажи, про которых можно сказать: «Если им больно – не плачут они, а смеются». Мы не заплачем, а защечочем. Правда?

Мы стали валяться, веселиться и петь песни. А также ждать Мавку, так как втроем было веселее.

Мавка Анисья

К нашей веселой компании вскоре присоединилась Мавка. Она как всегда свалилась как будто ниоткуда, просто раз – и появилась. Не менее красивая, чем Русалка, она была легкая, как ветер, и прекрасная, как весна. По мне, так она была живее всех живых, только вот тени от нее не было и, когда бежала по лугу, трава не пригибалась. Анисья, так звали Мавку, была, как всегда, в новом венке из множества цветов и с распущенными зелёными волосами. Высокая, стройная, босоногая, со смеющимися огромными глазами – о ней можно было сказать: ребёнок с мудростью всего света. Как вихрь, она закружилась по берегу, прокатилась на ветке и закричала:

– Жизнь прекрасна и удивительна! Смотрите, косуля родила детёныша, он такой хорошенький, а у сороки, что живет недалеко отсюда, вылупились целых пять птенцов. Это ли не чудо? Что эти люди твердят, что нам известны тайные знания, какая чушь. Тайна только в том, как что-то рождается и живёт, а не в том, как заработать больше денег, найти клад. Каждый может быть счастливым, если умеет радоваться и не завидовать. Правда, девчонки?

Мы с Сильной переглянулись. Мавка была одновременно дерзкая и добрая, мудрая и доверчивая. По некоторым людским поверьям, если принести в лес мёртвого младенца, да некрещёного, он и превращается в Мавку, да только это не так. Манок рождает сам лес. Когда что-то очень хорошее случалось, в лесу на полянке появлялась маленькая девочка с зелёными волосами в прозрачном платье и начинала плести венки. Венки плести её никто не учил, она все знала просто так. Не было существа добрее Мавки, не было существа независимее Мавки.

– Вот помню: на Мавкиной неделе мы танцевали на лугу, а парень, ну помнишь его – такой русявый, красивый, сильный – увидел меня весной и присох, без меня жизни не мог представить. Так представляешь, он лёг на межу на Мавкину неделю, совсем не видно его было, а я мимо пробежала, схватил за руку и держит, а я ему и говорю: «Хоть и поймал, хоть и не пускаешь, всё равно вместе не будем».

И вырвалась, ведь что скажу в такую минуту, то и будет. Смешно.

– Анисья, а тебе его не жалко?

– Жалко? Станные вы, девчонки, а Вам меня не жалко? Да я ему добро сделала, ведь ему что нужно – чтобы я рядом была, в избе жила, сначала любила с ним, а потом полы мела. Ему бы мало было, если бы мы в траве покувыркались, ему душу мою привязать надо. Я на такое не подписываюсь, вы же сами знаете, что это невозможно. Так что я его пожалела. Я добрая. Да и не такая я, как Сильва, не падкая на мужчин сильно. Девочки, вы же всё про меня знаете. Ты же, Лотта, мне подпевала:

В сизых травах у ручья
Я лежу – и я ничья.
Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою – и я ничья.
Что мне ветер!
Я быстрее!
Рот мой ягоды алей!
День уйдет, а ночь глуха
Я живу – и я ничья.
А. Толстой

– Никто никогда не скажет мне: «Моя». Да, я ничья, я вольная и я своя, я лесная, я просто Мавка.

Анисья схватила меня за руки и закружила.

– Лотта, жизнь прекрасна, как весело, как смеяться хочется, смотри – жук, у него рога, а вот птица, она улетает. Ты улетишь скоро, Лотта, я это чувствую. Вот помнишь, когда Леля пришла этой весной, ты ещё удивлялась, что она такая нежная, что улыбка у неё такая доверчивая, что она, как птенец, беззащитная? Но ты знаешь, в чём ее сила – она пробуждает всё и тебя начала пробуждать. Ты сейчас, как она, такой же птенец или первый цветок, но в тебе просыпается девушка. Никто никогда не замечает, в какой момент девочка вдруг становится девушкой. А сейчас уже и Лада пришла, лето привела. Она сильная, всезнающая, а вот когда осень придет, тебя здесь уже не будет.

Я испугалась:

– Что ты такое говоришь, Анисья? Куда я от Вас, от Микулишны, что я умею, куда такая страшная пойду?

– Ха, если ты страшная, тогда я на свинью похожа. Лотта, ты красавица. Только не это главное, не потеряй себя. Тебе многое дано, и многое спрашивать будет.

Опять они заладили. Что я, не вижу, что ли, какая я?

– Лотта, смотри на ковш на небе, это большая Медведица, мы знаем, что это богиня Макошь смотрит с неба.

– Мавка, расскажи мне о ней.

– Хорошо. Я чувствую, что ты её любимица. Макошь ведь не просто богиня судьбы, но «Мать счастливого жребия», или Богини удачи.

Звезды ковша чуть-чуть дрожали и как будто подмигивали мне.

– Расскажи еще про неё.

– Ну, я уже сказала, что она Богиня всей Судьбы. Она ещё и Хозяйка Перекрестков Мироздания между мирами. Людские женщины поклоняются ей, так как она их защитница и покровительница хозяек. Но не думай просить, чтобы она сплела тебе судьбу, она не любит строгой определенности. Ты будешь сама день за днём сплетать своё кружево, она только нить протянет. Ведь для тебя жить – это значит ткать кружево своей жизни самой.

– Анисья, а откуда ты это знаешь?

– Сорока на хвосте принесла. Ты, когда находят черные тучи, знаешь, что пойдёт дождь? Вот так и я знаю. Просто знаю – и все. Подаришь мне гребешок, раз в парубочью одежду одета, люблю подарки.

Богиня смотрела на нас с неба, а мы говорили про неё, про судьбу, конечно, про любовь и про свободу от неё, про пути, которых не ведали, но которые манили и манили. Сладко сжималось сердце от предвкушения неведомого. На то оно и неведомое, что непонятно, что это – счастье, дорога, удача или еще что другое.

Наконец, началось

Мы с Мавкой сидели возле озера и слушали, как падают листья. Пришла осень. Пришла Сива. Нам было немного грустно, никто не хотел зимы, она такая непредсказуемая. Мавка уже приготовила себе дупло, но ей еще хотелось веселья, тепла и солнца. А мне хотелось перемен. Вот уже почти два года я живу у Микулишны. Я не сильно изменилась – такая же плоская, рыжая, лохматая, длинноносая, с шелушащимися ушами – в общем, ужас. Мы в лесу привыкли уже, что никто не нарушает наш покой – ну, прилетели утки, ну, пришёл попить олень – и вдруг... Всё всегда начинается вдруг.

Вдруг что-то громко затрещало в кустах, и на поляне появились два всадника. У нас троих открылись рты. В нашем лесу уже почти два года не было людей, лес был как заколдованный, но это были люди, два парня на красивых белых лошадях. Парни тоже были ничего, но разглядывать их пристально мне было неудобно, а вот Русалка плотоядно улыбнулась. Сразу выползла на пенёк в полупрозрачном платье и мечтательно захлопала глазками.

– Здравствуйте, девушки-красавицы и ты, паренек, здравствуй, – поздоровались всадники. – Мы вот заплутались, уже три дня по лесу блуждаем, все запасы закончились, и куда ехать – не знаем. Не поможете выбраться?

Русалочка улыбнулась самой своей соблазнительной улыбкой.

– Ой, добры молодцы, как же таким красавцам не помочь, мы всем помогаем, особенно я стараюсь. Я не ленивая, я добрая, я очень, ну очень отзывчивая. Расседываете коней, искупайтесь, ведь запылились, чай, с дороги, да присядьте отдохнуть в нашей скромной компании. Знакомьтесь (я прижала палец ко рту) – я Сильва, это Анисья, а это – это Лот. А как вас звать-величать, кто вы и откуда?

Ребята немного замялись, а потом один из них сказал:

– Я Карен, а это мой брат Михел, мы едем по поручению короля к Марье Искуснице, но, попав в Ваш лес, не можем выехать. Сможете ли вы нам помочь?

– Сильва, не думай только о себе, дай хоть поговорить, – сдержанно сказала Мавка, но в глазах Русалки уже полыхала страсть.

«Все, если окупутся парни сейчас, им конец», – подумала я.

Наша с Микулишной избушка была недалеко от озера, и я стремглав побежала за помощью. Микулишна – она мудрее нас, женщина рассудительная, умеет с людьми разговаривать, да и погибели парням точно не желает.

Она пришла на берег и сказала:

– Сильва, цыц, бесстыжая. Видишь, люди издалека, да и непонятно, как они попали в наш в лес. Дай разобраться. Пойдемте за мной, путники, я помогу вам, – и увела их подальше от греха.

Я робко потащила сзади. Молодцы явно принимали меня за паренька и совсем не стеснялись.

Микулишна привязала коней, попросила меня дать им корма и пригласила в дом.

– Не ходите пока на озеро. Лот даст вам воды умыться, поедите, отдохнете, а там видно будет. Я недавно сварила вкусные щи, угощу вас.

Она налила нам всем щей, дала хлеба и сказала:

– Все разговоры после еды.

Я так давно не видела нормальных людей, что чуть ложку мимо рта не пронесла, пытаюсь глядеть на них не прямо, а искоса. Очень неудобно было их явно разглядывать, а хотелось. Они были чуть старше меня, может, на три-четыре года, но уже возмужалые и удивительно красивые. Я не очень знала, какими должны быть парни, но эти были к р а с и в ы е. Один, который постарше, был светловолосым с голубыми глазами, а второй – с более темными волосами и карими глазами. Оба высокие, ловкие, ладные, и вызывали такое любопытство, что и есть-то я могла с трудом. Парни были очень голодны, поэтому щи, как говорят, кинули за себя – съели все и очень благодарили.

– Теперь отдыхайте, у нас никто вас не тронет, а мы с Лотом пойдем пройдемся. Разговоры завтра с утра.

Мы вышли из избушки, она была небольшой, и вчетвером разместиться было негде, да и поговорить нам было надобно.

– Вот так, Лотта, прибыли к нам люди – и это изменит твою судьбу, – сказала Микулишна, с грустью посмотрев на меня.

– Я знаю, – и горестно вздохнула.

– Завтра вывезешь их из леса, а там как сложится. Непростые это путники, белая кость, и судьба у них с тобой как-то связана: то ли они тебе помочь должны, то ли ты им – не понимаю.

Мы подошли к озеру.

– Сильва, – позвала Микулишна, – и думать забудь про свои шалости. Ты Лотту любишь, погубишь молодцев – и ее судьбу можешь погубить. Терпи, девка, и тебе еще будет радость.

Сильва громко вздохнула.

Наутро выспавшиеся Карен и Михел выглядели отдохнувшими и повеселевшими. Они подмигнули мне и спросили:

– Как тебе живется в такой глуши, не скучаешь?

– Уф, чего скучать? Лес, он скучать не дает, здесь всё время что-то меняется. Только очень хочется увидеть, что за лесом находится. А вы далеко ли едете? – полушепотом спросила я.

– Да не знаем, далеко ли, как дорога выведет. Вот у вас в лесу три дня блукали и, если бы не вы, не знаем, сколько бы ещё времени потратили.

Я провела парней на пруд, и под громкие вздохи Сильвы они искупались, а я следила, вдруг она не утерпит.

Микулишна уже собрала им поесть в дорогу, да и я взяла немного своих нехитрых вещичек. Вдруг по лесу долго ездить будем – непонятно, захочет ли лес их выпустить сразу, да и вообще захочет ли.

Мы сели перед дорогой. Я сосредоточилась, обдумывая, что сделать, и в первый раз, прищурившись, увидела тропу, что шла прямо от домика. Тропа была прямая и между деревьями не путалась, как будто её для нас прокладывали. Удивилась очень, ну да разное бывает в заколдованном лесу. Показала ее Микулишне, но она не увидела, да и никто, кроме меня, ее не видел.

Мы собрались, попрощались, я попросила Велеса, бога-мудреца, дать нам мудрости в дороге, а Макошь – не оставлять нас в пути, и мы стали седлать коней. Меня посадили сзади на коня Карена, и мы поехали. Я лёгкая, так что конь особо и не заметил лишнего седока.

Мы ехали, и кусты расступались, ветки поднимались, пропуская нас. Карен сказал:

– Вот теперь я вижу, что лес хочет нас выпустить. Интересно, что на это повлияло?

Я вздохнула и стала указывать тропу. К вечеру мы остановились на ночлег, и я быстро разожгла костер. Надо забывать, что я девочка, я Лот, напомнила я себе, Лот, парень, мне 16 лет, из-за того, что живу в лесу, такой худой и маленький, но я много знаю и могу быть полезным. Думать про себя как про мальчика не составляло труда, к мужской одежде я привыкла, а уж при такой внешности да одежде никто не подумает, что я девочка. И что я так из-за этого переживаю? Даже если бы знали, что я девушка, такие красавцы на меня бы и не глянули, только больнее бы было. А парни, правда, были хороши, так бы и любовалась, из-за одного их ласкового взгляда, наверно, голову бы потеряла. Все, запрещаю себе об этом думать. Вдруг пришла мысль: а может, удастся уехать с ними и не возвращаться? Они едут далеко, и я, наконец, вырвусь за пределы леса, за пределы этой жизни, и впереди будет много чего. Хочу. Правда, хочу. Сильно. Макошь, помоги! С мольбой посмотрела на ковш Большой Медведицы: звезды ручки ковша как будто подмигивали мне, обещая помочь.

За день все устали. Хорошо, что было с собой что поесть – Микулишна положила, не надо было добывать, но завтра-то тоже есть надо. Я соорудила петли и поставила их на зайцев, завтра проверю.

Еда всегда способствует беседе. Я стала подбрасывать парням вопросы: откуда они, долго ли в пути. Они сначала отмалчивались, я потом махнула рукой – ну кто я им – и рассказали.

Были они, оказывается, принцами, погодками. Карен, старший – наследник престола, а Михел младший.

– Лот, ты понимаешь, так уж выпало, что отцу с матерью надоело наше уклонение от дам королевства. Ты не представляешь, какие они страшные и вредные – толстые овцы и глупые курицы. Не хотим мы еще жениться, а попутешествовать хочется, хочется мир немного посмотреть. Отец приказал ехать к трем любым царевнам на выбор и получше с ними познакомиться. Может, какая приглянется, может, мы им. Вот туда и направляемся сейчас, да заплутали в вашем лесу, если бы не ты – может, и пропали бы. А как тебе удается дорогу видеть?

– Не знаю, вижу – и всё. Я её вижу так же, как дерево или огонь, она у меня перед глазами. А что, это так странно?

– Да есть малость. Мы вот точно не видим. Мы умеем мечами махать, из лука стрелять, на коне скакать, Карена вон управлять учили, да как-то так скучно эта грамота идет, не знамо почему – вроде и запоминаем, а как будто мимо ушей. Не нагулялись еще.

Парни расстелили плащи на собранные листья, чтобы не так жестко было, и сказали:

– Все, ложимся, завтра, может, из леса выедем.

Поставили охранное заклинание, хотя я сказала, что в этом лесу ни один зверь к нам не подойдет, и стали ложиться. Я сидела ни жива, ни мертва. Никогда еще рядом с парнями не спала, как это? Но другого выхода не было, я по-быстрому сбегала в лес, чуть умылась и пристроилась с краю за Михелом. Кожу обдало жаром от запаха мужского тела, полыхнули щеки, я таких запахов и не чувствовала раньше. Когда на коне ехали, ветер обдувал, да конем сильно пахло, а тут запах, мужской, но не противный, а какой-то притягательный, так и хочется в нем раствориться, прижаться и уткнуться в рубаху, а то ещё прижаться покрепче. Ой, что это со мной делается? Наверно, надо бежать.

Пришла мысль: «Лотта, ты что, хочешь, от себя бежать, от мечты, от пути? Ну, нет, не на ту напали. Все перетерплю, а то, что смущает, так мало ли что смущает. Даже Сильва, и то выдержала и виду не подала, что страсть в ней огнём пылает, а то бы пропали молодцы. А я что, грудь свою тощую потуже полотном перевязала, не почувствуешь, что девушка. Микулишна еще подтрунивала: Лотта, может, настойкой какой её помазать, чтобы росла? А на что мне грудь вообще при такой внешности, пусть будет как будет».

Как больно иногда чувствовать себя уродкой, когда рядом такие красавцы.

Утром проснулась как ни в чем не бывало. Сказала себе строго-настрою: «Что нельзя получить, о том и мечтать не смей, ты поняла, Лотта, то бишь Лот? Имеем то, что имеем и умеем, а я в лесу много чего умею».

Побежала проверять силки. В них попали два зайца, быстро их освеживала, завернула в лопухи, чтобы до вечера не испортились, и мы продолжили путь.

Мы ехали, и парни болтали о своем, о мужском. Вспоминали дворцовую жизнь, свои шалости, иногда спрашивали меня про лес, животных и удивлялись, как я много знаю. Они были довольно разные: Карен посерьезнее, основательнее, более спокойный, потому и посадили меня к нему на лошадь, а Михел был как огонь, он все время то горячо рассказывал что-то, то смеялся, подтрунивал надо мной и Кареном, называя его Хи. Я сначала очень удивилась, что за странное прозвище, но потом узнала, что и у Михела есть прозвище – Ха, и что эти прозвища у них с детства. Они так много смеялись, что нянька, поддразнивая их, стала звать Хи и Ха. Они выросли, но прозвища остались, и эта вольность грела душу во дворце, насквозь пропитанном правильным поведением.

Вторая ночёвка прошла также, я уже не так краснела. Даже когда замёрзший Михел прижал меня посильнее, я только охнула про себя, и по животу пробежали толпой мурашки. Заяц был сытный, и спали мы хорошо.

На третий день мы выехали на опушку. Впереди простирался огромный луг, была видна река, небольшие лески и перелески – и так до самого горизонта. Парни переглянулись: куда ехать? Вопрос стоял очень явно, нигде не было видно ни одного поселения, спросить не у кого, и мы остановились в задумчивости.

– Ну что, Лот, ты свою работу сделал, можешь направляться домой, а вот куда нам двигаться, сказать затруднительно. Поедем, куда глаза глядят.

Это они, конечно, здорово придумали – по-мужски, умно.

– Нет, давайте подумаем, – сказала я. – У меня есть идея. Я, пока мы ехали по лесу, явственно видел тропу – может, сейчас хоть направление увижу. Скажите, куда вы едете точно и что об этом месте знаете?

Карен вздохнул и сказал:

– Сначала хотели заехать к Марье Искуснице. Про неё разное рассказывают: и красивая, и ладная, и на всякие игрушки искусная, – при этом Карен странно покраснел, – и готовит вкусно. Живет в тереме посреди Лисьего озера с подружками да прислугой и ждет суженого своего. Замуж пойдёт только за того, кто ей приглянется. Хорошо, чтобы мы ей не приглянулись – не хотим жениться, но познакомиться интересно. Да и отцу дал слово, что мы к трём царевнам съездим, а слово принца – оно крепкое и нерушимое.

И такое гордое выражение на лице у него написано было, что я чуть не расхохоталась.

– Карен, – сказала я, – дай попробую представить себе это место и, если Макошь поможет, укажу Вам путь.

Я села, поджав под себя ноги, и уставилась вдаль, представляя себе Лисье озеро с теремом посередине. Где-то, видимо, прошел дождь, и на небе перекинулась радуга, да такая красивая, отродясь такой красивой не видала. Да и расположилась на небе она как-то странно – не на горизонте повисла, а как будто от холма, где мы сидели, краем отходить начала и на восток перекинулась. Я посмотрела на это чудо, и концы арки как бы сами собой соединились по земле в легкую дымку, что бежала по траве. И я увидела тропу. Это был путь, мне его дали.

Подскочила, запрыгала на месте.

– Ура! Ура! Есть, мы едем.

– Стой, Лот, кто это едет? Тебе домой надо, к Микулишне, мы уж как-нибудь справимся.

Я чуть не разрыдалась, так сердце сжалось. Поняла, что мне обязательно ехать надо, что если не поеду, то хоть топись. Посмотрела на парней и, набравшись смелости, выпалила:

– Ничего с Микулишной не случится, я ей не родня, просто она меня на проживание взяла, а я уже вырос, могу и сам жить попробовать, а вы вот без меня не доедете, тропу ведь только я вижу, заплутаете опять, а я вам не буду помехой.

Принцы переглянулись и... согласились.

Поехали. На прощанье я прижалась к дубу.

– Прощай, – прошептала, – расскажи Мавке, она передаст Микулишне, что я дальше поехала. Не печальтесь обо мне, я вернусь. Просто это моя дорога, и она начинается. Лес будет всегда со мной. Лес мне отец, а мать мне дорога, и я хочу с ней познакомиться.

Мне нравился простор, но после густой чащи леса казалось, что я как будто раздета, беззащитна перед этим ветром, который стегал наших коней, солнцем, которое светило не сквозь листву деревьев, а норовило ослепить и согреть своим последним теплом. Осень входила в свои права. Все равно я люблю тебя, Сива. Пожелай мне удачи.

Кони перешли в галоп, радуясь, что выбрались на простор, а я, спрятавшись за широкую спину Карена, чувствовала себя удивительно счастливой. Вперед, что там нас ждет? Что ждет тебя, Лотта? Что??

Марья Искусница

Мы скакали до озера три дня. И когда за леском появился изумительно красивый терем, как будто вырастающий из озера, мы даже сразу не поверили своим глазам. Неужели приехали?

Остановились на берегу, расседлали коней, но почему-то никому не захотелось побыстрее попасть в этот терем.

– Эх, Михел, – сказал Карен, – может, там и судьба тебя или меня ждет, а так не хочется торопиться, тревожно на сердце. Может, она и красавица, а может, еще та курица, да и вообще, кто их, этих женщин, разберет. Утро вечера мудреней, давай тут заночуем. Может, последний день свободными ходим.

Утро все равно наступило, и отступить было некуда. Водная гладь озера заманчиво серебрилась и была такой заискивающей, зовущей, что у меня заныл зуб. К чему бы это?

Побродив по берегу, нашли лодку.

– Лот, может, тут останешься коней стеречь, а мы съездим, обзнакомимся?

Я судорожно замотала головой – нет, не хочу. Женятся – так женятся, а до этого их не брошу.

Мы погрузились, и лодка, как по волшебству, сама поплыла к терему.

На островке нас ждали. Целая толпа девиц в разноцветных нарядах с кучей украшений выстроилась на бережке и приветственно махала руками. Мои принцы, распираемые чувством собственного достоинства, готовы были выпрыгнуть из штанов. Господи, знала бы я, что это будет так, сама бы лодку продырявила.

Среди толпы явственно выделялась неописуемо красивая девица в малиновом одеянье, шитом золотом, и янтарном украшении. Она не махала руками и не кланялась, но взгляд ее притягивал моих принцев как магнит. Попали, поняла я, попали. Некоторым мужикам, как говорила Микулишна, красной тряпкой помахал – и они твои. Тут было все сложнее. Особливо смущало, что среди толпы не было ни одного мужчины. Куда это они подевались?

Лодка причалила, и мы выпрыгнули из нее. Принцы только что не в воду выпрыгнули, так спешили припасть к ручке. Прекрасная Искусница открыла свои прелестные губки и пропела:

– О, мои мужественные рыцари, я приветствую вас в тереме, где вы получите то, о чем мечтает каждый мужчина...

Краткая заминка, и она продолжила:

– Вас ждет тепло и уют, забота, вкусная еда, сладкое вино и еще раз... забота.

Мне почему-то это показалось странной реакцией принцев на ее слова. Вроде бы не придурки – вон как трезво и весело разговаривали все дни пути, глаза светились разумом, улыбки были ехидные, но человеческие, а тут идут как овцы на закланье. Неужто так очаровались красой ее неземной? Ну, красивая, ничего не скажешь: брови тонкие, черные, дугой, волосы короной уложены, а губы... Да, губы красные, припухлые, капризные, как у малого ребенка, не просто притягивают взглядом даже меня, а обещают рай земной. Чувствую, что мужики так и хотят к ним прильнуть и попробовать, какие они на вкус. Да и вся царевна была такая... «Вкусная», привлекательная, притягательная, обворожительная. Она протянула принцам руки, и они, как два послушных олуха, припали к ручке: один – к правой, другой – к левой.

«Попали», – еще раз пронеслось в голове.

На меня глянули как-то странно, но уж больно замухрышисто я выглядел, чтобы даже дворовые девки на меня глаз положили. Принцев повели в терем, а я следом за девками пристроилась.

Принцесса показывала терем – красивый, я уж точно такую красоту никогда не видывала. На стенах картины вышитые, украшения резные, светильники диковинные. Терем уютный, надёжный, как скала, а у меня мелькнула мысль: «А вот если убежать надобно, как из него выбраться?» Но мысль скользнула и ушла прочь, кто ж нас насильно-то держать будет, чай, не пленники. Как пришла мысль, так и ушла, а зря. В тереме, как и на берегу, не было ни одного мужчины. Где они, интересно?

Марья Искусница ввела парней в залу, где был накрыт стол. Изысканные блюда теснились, почти не оставляя места, и от их изобилия разбегались глаза.

– Гости дорогие, эти блюда готовились под моим руководством и по моим рецептам. Прошу откусать, ведь недаром зовусь Искусница, все умею делать.

Парней усадили: одного по правую руку, другого по левую. Тут же набежали девушки и стали накладывать им то лебедя запечённого, то поросёночка молочного, то вообще такое, что я никогда и не видывала, тем более не пробовала. Мне нашлось место в самом конце стола, и я была рада, что на меня никто не обращает внимания.

– Вина у меня самые лучшие, сладости самые сладкие и ещё у меня...

Я поняла – «объятия самые страстные». Это было не произнесено вслух, но мои неокрепшие детские мозги почему-то осознали недосказанную мысль.

«Попали!», – опять подумала я.

Пир продолжался долго. По осолевшим от сытости и выпитого вина лицам принцев я понимала, что им хорошо. Очень хорошо. Но когда Искусница подошла к арфе и запела, я поняла, что это конец.

Песня не лилась, она обвивала принцев, манила, обещала райское блаженство, завораживала, заколдовывала и лишала последней воли. Если бы я была не знакома с Русалкой, я бы не поверила, что такое существует, но наглядный пример был у меня перед глазами. Оба принца уже пристроились у её ног на полу и с обожанием смотрели на Марию, а она щурилась и облизывалась, как сытая кошка.

– Следуйте за мной, – приказала Искусница, – я сама провожу вас в вашу опочивальню.

И они ушли. Рядом со мной сидела симпатичная молоденькая девушка, которая странно посмотрела на меня и сказала:

– Постарайся не попадаться никому на глаза, я тебя спрячу, уж больно ты молод, погубят быстро и ...

Она отвела меня в какую-то комнату, в которой был тюфячок, небольшой стол и бадья для умыванья. Девушка сказала, что ее зовут Милка, и ещё раз попросила не высовываться.

– Я буду приносить тебе еду и прослежу за тем, как будут развиваться события. Если что – помогу, у меня на этот счёт свой интерес имеется.

Я сидела в своей комнате уже почти неделю, вечером меня навещала Милка. Было бы скучно, но я умела придумывать себе разные занятия. Я придумывала сказки, разговаривала с Макошь, представляла, какую судьбу она бы могла мне сплести, думала, как там мои подруги и Микулишна, чем живет лес, как готовится к зиме зверье, прилетели ли уже гуси, и пролетели ли над лесом журавли, пела себе песни и ждала, ждала вестей.

Все это время Милка только приносила мне еду и грустно качала головой. Сегодня она пришла особенно опечаленной. Я не выдержала, схватила ее за руку, усадила на тюфяк и сказала – рассказывай, вижу, дело плохо. Если они пропадут, то тут всем несдобровать. Я казалась себе такой грозной, а на самом деле просто не знала, что делать. Но ведь хватит сидеть сложа руки.

– Лот, ты смешон, что ты, маленький захудалик, можешь сделать против Искусницы? Вот если принцы не выдержат, она и за тебя возьмется, когда голодной будет. Понимаешь, она искусница, искусница во всем и в любви тоже, она их zalюбит.

Я тихо ахнула.

– Как zalюбит?

– Да просто, в этом она особенно искусница. От ее ласк мужчины забывают все на свете, они продают душу, они ласкают ее до изнеможения, а ей все мало, мало, мало. Одного она бы уже zalюбила насмерть, но их двое и они молодые, сильные. Она ведь и с двумя может, её на всё хватает. Она черпает свои силы из страсти. Господи, ты не представляешь, что они творят в её покоях! Ни один мужик по собственной воле не бросит ее. Сразу по прибытии на остров у парней начинается помутнение разума, они не принадлежат больше себе, они под её властью – полной и беспрекословной. Она забирает их силы во время любовных игр, её чары невероятны, и их трудно преодолеть. Мой брат не смог. Я не знаю, как ты не попал под них, другой бы парень сидел и рвался бы в её покои, а ты тут песни поешь. Может, она не наложила чары из-за того, что ты такой страшный?

Милка продолжала:

– Мы с братом пришли на берег, он сел в эту дурацкую лодку и больше не вернулся. Я ждала его на берегу месяц, и когда ещё один искатель счастья появился на берегу, я попросилась с ним. Так и попала на остров. Но мой брат пропал, а он был такой добрый, такой славный.

Я не поверила, что он погиб. Девушки говорили, что в подвале у неё живут мужчины, с которыми она не доиграла, и она держит их на случай, если не будет совсем никого нового. Они сытые и чистые, но кроме неё и любовных игривостей уже ни о чём не могут думать. Я спустилась в подвал, думала, там найду брата, увидела этих... умалишённых. Страшные, поизмывались надо мной, не знаю, как жива осталась. Я ненавижу её, но не знаю, как убежать.

Так, дело дрянь. Нашли себе невестушку. Думай, Лот, думай.

– Милка, а она когда-нибудь спит?

– Спит, но мало, да и как их выманить, они же только о ней думают. Сначала ревновали друг к другу, а теперь вместе, вдвоем с ней кувыркаются, а ей нравится. Довольная, сытая.

– Да еще если мы увезём их и не расколдуем, то они всех поубивают, лишь бы вернуться к ней.

– Попали. А как расколдовать-то можно?

– Знаю только, что до заката должна их поцеловать невинная дева, которой от них ничего не нужно, то бишь бескорыстно, а где тут такую возьмешь? Да ещё так срочно. Попали!

– Ладно, Милка, план такой. Ты сообщаешь, когда Искусница засыпает, постарайся выманить этих двух озабоченных, крадем лодку и отправляемся на тот берег, а там видно будет. Милка, действовать надо быстро, как я понимаю.

Случай выпал на рассвете. После удачной ночи Марья пошла в другие палаты, а «эти» остались спать тут. Милка облила их водой, чтобы проснулись и сказала:

– Карен, Михел, Марья просила передать, что вы ещё в озере любовью не занимались, и просила вас туда проводить.

Хи и Ха сильно удивились, но в глазах уже проснулось желание, и они, как коты, побежали к берегу. Там их ждала я.

– А где Марья? – спросили эти сладострастники и уставились на Милку, повернувшись ко мне спиной.

У меня была приготовлена большая сковородка, добытая Милкой, ей-то я и огрела их со всей силы каждого по голове, чтобы отключились. Мы погрузили их в лодку и попытались отчалить. Но не тут-то было. Лодка была призвана привозить людей с того берега, а не увозить с этого, и мертво стояла на месте.

«Попали», – опять прозвучало в голове.

Но пропадать не хотелось. Я прыгнула в воду, стала толкать лодку от берега, но процесс шёл очень медленно, лодка тормозила и не хотела двигаться.

– Макошь, – закричала я, – помоги! Я сделаю всё, о чём ты попросишь, чего бы мне это не стоило. Обещаю. Я твоя. Спаси нас.

И вдруг с неба спустилась нить, тоненькая. Я поняла – Макошь услышала меня.

Я привязала нить к лодке и стала тянуть, лодка поплыла быстрее. В это время на берегу появились служанки, стали громко кричать, звать Искусницу.

На берегу появилась разъяренная Марья.

– Шутите, молодцы, я не только пироги печь умею, но и стреляю хорошо, я ведь Искусница, забыли? Я белке в глаз попадаю, и нить вашу перебую, я свои игрушки просто так не отдаю, – она выхватила лук и вложила стрелу.

Стрела зазвенела, и я с ужасом посмотрела на спасительную нить. Все... Но нет. Стрела коснулась нити и отскочила, потом полетела вторая, третья – всё без результата.

В ушах прозвучало: «И даже тоненькую нить порой не в силах перебить стальной клинок, стальной клинок»...

«Особенно если это нить Макошь», – подумала я.

Мы доплыли, вытащили этих сладострастников из лодки и свалили как мешки на берег. Ну и красавчики! От них и половины не осталось, «любовники», леший их задери. Но что же делать?

Милка запричитала:

– Они скоро очнутся и хоть раком побегут к ней. Где девственницу искать будем?

Я горько вздохнула и сказала:

– Одна имеется, хоть и страшенькая, но только вот к их губам мне теперь противно прикасаться.

Милка ахнула от удивления.

– Так ты девка?

– А что, не похожа? – буркнула я в сторону.

Ну, противно не противно, а делать-то что-то надо. Я наклонилась сначала над Хи, уставилась на его опухшие от поцелуев губы, покусанные, жадные, и с отчаяньем прильнула к ним. Был ли это поцелуй, о котором я подспудно даже мечтать не могла? Конечно, нет, но искра пробежала, я её почувствовала. Оставив этого горе-любовника, пошла ко второму. Ха лежал как мертвый. Он был на год моложе Хи и, понятно, ему было тяжелее.

«Нашла кого жалеть, – мелькнуло внутри. – Им с ней неплохо было. Они там любят, а мне их спасай».

Но нагнулась и коснулась губами почти синих губ Ха. Когда почувствовала пробежавший разряд, отпрянула и вытерла губы. Пусть теперь отходят – и пошла искать коней. Кое-как вдвоем погрузили тела на лошадей и отъехали от греха подальше.

Проехав мили две, остановились – уж больно жалко было смотреть на этих двух «любовничков», болтающихся на лошадях, как кули. Мы сгрузили их тушки на собранные листья. Благо, на лошадях осталась некоторая поклажа – запасные плащи и, главное, некоторое количество денег – иначе пришлось бы возвращаться во дворец («а может, это и к лучшему было бы», – подумала я). А пока они очухаются, можно и отдохнуть.

Я разожгла костёр, и мы начали варить кашу, а поговорить хотелось.

– Вот ты мне скажи, Милка, неужели неизвестно, что по приезде к Марье Искуснице парни не возвращаются? Чего же это они лезут к ней, как медом намазанной?

– Лотта, ты слишком молодая и плохо знаешь мужчин.

– Да я их вообще знать после такого не хочу. Полные придурки.

– Не скажи. Они такие по природе. Стоило пустить слух, что царевна выйдет замуж за парня, который лучше всех удовлетворит её в постели, многие как побесились. Какая там добродетель, какие правила. Если бы она сказала, что выйдет за самого умного или там умелого в работе – это было бы не так интересно, все они кобелины в душе. Это мужчины, каждый из них считает – ну, может, не каждый, но многие – что уж в этом они точно сильны и умелы. Понимаешь, ради доказательства своей «мужественности» они способны на самые большие, просто огромные глупости. Они при этом похожи на глухарей на току, бери готовенькими. Вот Марья и пользуется. Нас потом порой отправляли к ним в подвал, чтобы не сгорели от желаний, но они уже были просто животные. У Марьи магия такая особая, она пробуждает в мужчинах желание, а силу при этом забирает себе, потому и такая могучая.

Она грустно опустила голову и продолжила:

– Вот мой брат – он был первым парнем на деревне: что на кулаках подраться, что канат поперетягивать, что девок потискать. Как уж они к нему льнули – и красавицы, и хозяйственные, а ему хоть бы хны. Неумный был, всё на подвиги тянуло, понять, что ему надо, не мог. Лучше бы в солдаты пошел, мечом помахал, был бы шанс живым остаться. А так на царевне сгорел. Как услышал про её причуду, совсем обезумел, сказал: «Что мне жизнь эта пресная, царевну хочу. Смысл один в этой жизни – или пан, или пропал. Находить – так сундук золота, любить – так царевну». Собрался и ушел, а я провожать пошла. Что было потом, ты уже знаешь.

Я качала головой и не верила, что такие разумные с виду парни могут играть в такие глупые игры. Неужто правда, что желание сильнее разума?

Наевшись кашей, я пошла ставить силки. Проснутся, наверное, жуть какие голодные.

Принцы проспали целые сутки, и, проснувшись, были слабее котят. Да, подвысосала она из них силушку. Мы с Милкой накормили их, помогли дойти к ручью, чтобы обмыться. Хи и Ха тупо смотрели перед собой и ничего не говорили. О чем они думали – непонятно, что помнили – тоже непонятно. Жестом попросили Милку к ним не приближаться. А вдруг коё-что все-таки помнили? На теле увидела следы каких-то побоев. Кнутом их, что ли, били, ничего себе игрища. Жалко мне их было совсем чуть-чуть – знали же, куда идут, хоть бы мне рассказали, что может там произойти. Так нет, молчали, мужское свое достоинство потешить решили. Доигрались, и спасибо никто нам не говорит, да и вообще никто ничего не говорит, только едят и спят.

Так продолжалось трое суток. Наконец, после того, как я кратко рассказала о побеге, Хи вымолвил:

– Спасибо тебе, Лот, и тебе, Милка, за то, что вытащили. Видно, мало я молился, чтобы боги дали нам мудрости. Спасибо, Макошь, что помогла. Милка, мы придём в село, и я отправлю тебя во дворец с письмом. Возвращаться тебе, как понимаю, некуда, а за спасение венценосных особ тебе полагается награда. Там выберешь, что хочешь. Ты, Лот, тоже можешь поехать с ней, и тебя наградят. Зачем ты будешь подвергать себя опасности?

Ехать в замок я не хотела, сказала, что останусь и дальше с ними, только просила, чтобы рассказывали мне о том, куда ехать собираются, да о причудах своих королевских сказывать.

Парни помаялись, покручинились, но все-таки решили продолжить дорогу. Впредь, мол, умнее будем. Как выяснилось, следующей по плану стояла Елена Прекрасная. Она, по слухам, у Змея Горыныча сейчас жила. После посещения этой красотки надлежало съездить к Василисе Премудрой. Мне кратко изложили очень расплывчатые данные местоположения замка Горыныча, типа – где-то там в степи. Дорогу представляла долго, и выглядела она какой-то неясной. Ехать по такому ориентиру было сложно, но понадеялись, что во время пути что-то прояснится.

Мы ещё два дня просидели на этом месте, пока Хи и Ха начали ходить нормально, не качаясь.

Однажды, сидя возле костра, все ели и молчали, как обычно. Стыдно, видать, им было говорить, а может, наоборот – жалели, что забрали, кто их знает, этих мужчин. И тут Хи вдруг сказал:

– Мне было виденье или странный сон, который вырвал меня из огня страсти. Как будто прекрасная девушка без умысла и страсти коснулась моих губ, и я очнулся. Её поцелуй был как лунный свет или лунный ветер, неслышный, полный тайны и подающий надежду, что в мире есть что-то больше, чем страсть, что я не просто похотливая скотина, а человек. Он спас меня. Если бы не он, я бы сошел с ума от стыда и отчаянья. Мне это приснилось? Или Богиня сжалилась надо мной?

Мы с Милкой переглянулись, пожали плечами – мол, ничего не знаем, не ведаем, так как договорились молчать – зачем давать ненужную информацию. Зачем кому-то знать, что, если бы не было этого поцелуя, ты бы опять лежал в объятьях Искусницы и вскорости тебя бы зацеловали до смерти? Богине была угодно оставить вас в живых. Значит, живите.

А был ли мальчик, или в гостях у Бабы Яги

По каким-то глубоко внутренним, неизвестным и непонятным мне причинам, я в основном прокладывала дорогу вдали от посёлков и городков. Принцы иногда удивлялись и огорчались, что нам так мало встречаются села – им хотелось нормально поесть и помыться, выспаться не на земле. Но они терпели эти маленькие неудобства ради своей призрачной цели, и мы ехали вперед по безлюдным местам. В тот день конь у Ха захромал, что-то с подковой случилось, и срочно нужно было найти кузнеца. Прикинула, где мы, кинула глазом по округе, загадала

себе увидеть пути к людям – и моя путеводная нитка свернула направо, а к вечеру мы были в довольно красивой деревеньке, расположившейся у озера возле старой дубравы.

На постой устроились в хате на краю села у нестарой женщины и её дочери с красивым именем Зоряна. Нас накормили ужином, натопили баньку и очень удивились, что я не пошла мыться вместе с парнями. А как тут объяснишь, что не могу я вместе с ними? Хозяйкина дочка странно на меня посмотрела и предложила сходить с ней на пруд. Мол, одной не хочется, со взрослыми парнями неудобно, а со мной в самый раз.

Только мы отошли от дома, она дернула меня за руку и сказала:

– А ты ведь девка. Правда, не отвертись, у меня глаз верный.

– Как узнала?

– Не знаю, чувствую. Парни, даже совсем безусые, на девушек особенно смотрят. Твои спутники, хоть и знатные, видать, но всё равно бросили оценивающий взгляд, а ты – нет. А потом эта история с банькой. Поняла, что надо выручать, вот и позвала тебя на пруд. Да и помощь твоя нужна.

– Спасибо, что выручила. А что за помощь?

– Нужна скорее даже не помощь, а присутствие. Мы сегодня с девушками гадаем, нам компания нужна – страшновато. А ты, видно, бесстрашная, много по дорогам проехала, лишней не будешь. Да и тебе, чай, любопытно, кто суженый.

– Да как-то не задумывалась, если честно. Про каких суженых можно говорить при моей внешности?

– Да, внешность у тебя не очень. Но не отчаивайся, некоторым везет. У нас в деревне рябая Марфа за хорошего парня замуж вышла, бывает и такое.

– Бывает, наверное, только не хочу пока об этом думать.

– А парни, что с тобой едут, ничего себе так. Я бы с такими не стала мальчиком рядиться, кто её судьбу знает – вдруг понравиться. Подумай. А дело у меня к тебе вот какое. Тут на берегу пруда возле леса купальня есть, мы, как взойдет луна, там соберёмся, свечки зажжем, зеркала принесем и будем наших суженых высматривать. Я верю, что можно в такую ночь увидеть лицо своего суженого, а коль знаешь, кто он, так и вести себя будешь правильно, на других не разминиваться.

– Не знаю, хорошо ли это. Может, неинтересно так жить, когда наперед всё известно?

– Ты чего, зато потом всю жизнь счастливой будешь. А так – вдруг ошибешься? Ладно, думай, что хочешь, а компанию составь. Я матери сказала, чтобы нас не искали. Твои спать сейчас будут, видно, что утомились, а ты уж потерпи. Все равно кузнец раньше обеда не появится, уехал он к теще в соседнюю деревню, так что выспаться успеешь.

Ночь была тихая, по-осеннему прохладная. Купаться в пруду, конечно, совсем не хотелось, и я очень сожалела, что не удалось помыться в баньке. Хорошо, в купальне стояла большая лохань, и удалось немного привести себя в порядок. Вскоре стали приходиться девушки. Настороженные, в венках из красных листьев, они тихо подходили к купальне. Видно было, что им тоже страшно – и темноты, и неопределённости, и, главное, вдруг выпадет такое, что и в страшном сне не приснится. Всем заправляла бойкая девушка Зиновия, все её слушались. Красивая, но какая-то уж слишком напористая, не понравилась она мне почему-то.

– Так, – руководила она, – сейчас все окунаемся в озеро, одеваемся во всё новое. Все захватили вещи? Волосы распускаем, берем зеркала, свечи и идем на поляну. Хорошо, Зорька, что ты тринадцатую привела, нужна она нам будет.

Почему-то тринадцатой мне быть тоже не хотелось, но таинственные приготовления завораживали. Новой рубашки у меня не было, но мне кто-то дал запасную. Мы искупались и, дрожа от холода и предвкушения тайны, пошли на поляну. Шли босыми, трава холодная, мокрая – зубы так и стучали. Воздух тоже холодный. Эх, лежала бы я сейчас рядом с принцами на плаще, а не участвовала бы в этом обряде, который всё больше пугал меня. Поляна оказалась

большой, с высохшей травой, на ней посередине лежал огромный плоский камень. Вокруг него по кругу находились двенадцать небольших камней.

Зиновия сказала, чтобы девушки расставляли свечки и устанавливали зеркала так, чтобы они все были направлены на камень посередине.

– Ты, Лотта, – приказала мне Зиновия, – посиди пока на среднем камне, а лучше приляг, пока девушки свои свечки будут расставлять. Ты ведь все равно гадать не собиралась, просто побудешь сегодня срединным лучом. Так при серьезном гадании в круге полагается.

Мне было не по себе: ну ладно посидеть, а вот лечь точно не хотелось. Девушки расставили и зажгли свечки и расселись спиной ко мне. Зиновия затянула песню, девушки подхватили, и через некоторое время на поляне начали происходить необъяснимые вещи. Воздух сгустился, вокруг меня стали закручиваться вихри листьев, сверкнули молнии – одна, вторая. Пламя от всех свечей нагнулось ко мне, огромная птица опустилась рядом на камень, и я услышала:

– Жертва будет принесена. Вы получите силу и счастье, узнаете свое будущее.

И в этот момент что-то ударило меня по голове. Сознание медленно покидало меня, унося в вихре в какой-то другой мир.

Карен. А был ли мальчик?

Мы с Ха, разомлевши после баньки и перекусив пирогами с капустой, наконец с удовольствием устроились в доме на мягкой постели. Хорошо отдохнуть в тепле, под крышей, а не под открытым небом. Расслабились и быстро провалились в сон. Последней моей мыслью было: «Где же задержался Лот? Наверное, с хозяйской девчонкой гуляет». Долго поспать нам не удалось – где-то сразу после полуночи к нам в комнату ворвалась Зоряна с воплями:

– Ваша спутница помирает!

Какая спутница? Нет у нас никакой спутницы. Или, может, я спросонок ничего не соображаю? Но она настойчиво схватила меня за руку и сказала:

– Потом расскажу, спасать надо.

Натянув штаны, мы бросились за девушкой, которая бегом бежала к пруду и дальше в лес. Мы выбежали на поляну, где возле камня толпились перепуганные девушки, а там, на камне, лежало окровавленное тело Лота в женской исподней рубашке. Только вот не мальчик это был, а девочка, и в такой одежде это ясно было видно. Разберемся с этим потом.

Я заорал:

– У вас тут есть лекарь?

– Да какой лекарь, вон к знахарке все ходим, она тут, к счастью, не так далеко живет.

– А что за знахарка – хорошая? Хоть поможет?

– Лучше не бывает, её по-разному кличут: Баба Яга, Яга Ягеишна, Яга Виевна, Яга Змиевна, Яга Умнейшая, Зараза Мымровна, – кому как нравится. А мы кличем Йогиней-Матушкой.

– Да как ни назови, лишь бы помогла.

Я схватил Лота – то бишь девушку, и звать ее, наверно, Лотта – на руки. Легкая, а по лесным тропинкам да ночью тащить её все равно тяжело. Хорошо, хоть нас двое, менялись. Зоряна бежала впереди по только ей видимой дорожке, а мы пытались не отставать. Голова девушки безжизненно болталась, и мне пришлось прижать ее к себе, чтобы кровь меньше шла. Луна освещала ее мертвенно бледное лицо. Парень страшненьким казался, а уж девчужку вообще жалко стало. И как такой в жизни себе парня найти? Что я про глупости думаю, тут лишь бы жива осталась.

– Кто ее так?

Зоряна испуганно обернулась.

– Не знаю. Мы гадали, а тут как зашумит, засверкает. Я обернулась, а над Лоттой фигура какая-то склонилась. Я как закричала, а она прошипела: «Не мешай принять жертву». Я не знаю, что мной двигало, но даже испугаться не успела, только бросилась к этой фигуре и оттолкнула ее от Лотты, она и пропала. Вижу – та лежит вся в крови. Я сразу за вами и бросилась.

В голове пронеслось: «Ничего себе тихая деревушка». Наконец мы добежали до лесной избушки. Лотта в этот момент была на руках у Ха, а я рванул дверь, и мы оказались в маленькой светелке, в которой сидели три молодые красивые женщины и пили чай. Думал, раз Баба Яга, так старая и ужасная, а тут она не одна, а трое их, и вполне симпатичные. Зоряна поклонилась им и говорит:

– Прости, что побеспокоили Вас, Йогиня Матушка, но беда у нас. Вот на девушку во время гаданья кто-то напал, а это ее спутники, они принесли ее к Вам. Не обессудьте, помогите.

У меня в голове пронеслось: «Это она что, их троих сразу одним именем называет?» В это время одна из женщин нахмурилась и произнесла:

– Кладите ее на лавку, посмотрим, сможем ли помочь.

Потом обернулась к нам и сказала:

– А то, что нас трое, не удивляйтесь, мы ночью расслабляемся и молодеем, так как женщины для себя всегда выглядят на столько лет, на сколько себя чувствуют. А то, что трое, так в каждом разумном существе несколько личностей обитает, а у нас они еще и материализоваться могут, но только ночью, а днем опять в одно лицо сливаются. Я представлю нас, чтобы вы не переживали, принцы-путешественники: вот справа от вас Яга Богатырша, сила у нее необыкновенная, может любого богатыря победить, а слева – Яга Ягинишна, что лихое творит для тех, кто заслуживает, а я – Яга Дарительница, спасительница, так что будем спасать Вашу белу лебедь, раскрасавицу.

В голове пронеслось: «Это она про Лотту, что ли, такое говорит? Так страшнее ее трудно девушку найти. Да ладно, как ни назови, лишь бы спасла. Мы вместе путь держим, значит, в ответе за него, то бишь за нее».

Бабы Йошки, все втроем, внимательно осмотрели Лотту, руки возложили и сказали:

– Никак Чернобог с ведьмой не успокоятся, не могут девушку в покое оставить. Хорошо, что не удалось ее убить, спасибо Зоряне, спасла. Сейчас лечить будем. Вы, рыцари, скажите: золота на нее не жалко?

Я удивленно глянул на них:

– Золото у нас есть, а сколько надо?

Яга Ягинишна хитро глянула на нас с Ха и сказала:

– Все несите, а там видно будет. Аль жалко? Сейчас пожалеете – всю свою жизнь жалеть будете.

Тут я отчетливо осознал – не стоит то золото хранить. Хоть и дорога впереди – возвращаться не будем, выкрутимся, надо девушку спасать. Развязал пояс, где деньги защиты были, и отдал женщине. Она, ни слова не говоря, как так и надо, вынула монеты и кинула большую часть в печку.

– Сейчас тесто месить будем.

Я аж опешил. Причем тут тесто, когда лечить девушку надо? Хотел было что-то сказать, но на меня так посмотрели, что замолчал. Втроем они быстро намесили огромную кадку теста, а потом скомандовали:

– За занавесочной посидите, а ты, Зоряна, помогай, раздевай ее. Сейчас девицу лечить будем.

Мы с Ха тихонько сидели в углу, и нам был виден край лавки с ногами Лотты. Каково же было наше удивление, когда эти ноги стали обмазывать тестом.

«Боже, – мелькнуло в голове, – они ее не запевать ли собрались?»

Потом услышал слова:

– Печь нужной температуры. Давай, на лопату ее укладывай.

Тут мне совсем не по себе стало, выскочил с ужасом и действительно – увидел, как Лотту кладут на огромную лопату, и Яга Богатырша засовывает её в печь.

– Вы что делаете, остановитесь! – заорал я и кинулся к женщинам.

– Охолонь, милок, – кивнула Яга Дарительница, – огнем неопалимым лечить её будем. От огня пострадала, огонь и проблему ликвидирует. В наших краях, парень, недоношенных детей в теплую печь всегда засовывали – чтобы допеклись, доросли. А тут почти взрослую девушку придется в «лоно матери» снова засовывать, чтобы родилась заново. Иначе никак не получится, от молний Чернобога по-другому не вылечишься.

– И надолго Вы ее туда? – почему-то прошептал я.

– А пока печь не остынет, а там как получится.

Потом Ягинишна обернулась к Зоряне и сказала:

– Молодец, Зоряна, не растерялась даже в такой ситуации, толк из тебя будет. Пожалуй, возьму тебя в ученицы. Знахаркой хочешь быть? Или только за мужем сидеть мечтаешь? Решай, мужа мы тебе за то, что сделала, так и быть, устроим.

Тут Зоряна залилась краской и сказала:

– Учиться хочу, а потом видно будет. Вы, правда, меня возьмете?

– Возьмем, а теперь ставь самовар, чай-то мы так и не попили.

В гостях у Бабы Яги. Лотта

Солнце заглядывало в окно. Я очнулась на незнакомой лавке, в незнакомой комнате, надо мной висели пучки трав, приятно пахло какой-то снедью, а за столом сидела очень пожилая женщина.

Я и слова не успела произнести, как женщина быстро обернулась ко мне.

– С возвращением, девица, – обрадовано сказала она.

– Откуда? – не поняла я.

– Да с того света. И с рождением, девица. Считаю, у тебя сегодня день рождения. Как тебя из печки живую вынули, так и народилась ты. Спасли всем миром – и мы, и принцы твои, и Зоряна, так что тебе есть кого благодарить.

Я попыталась сесть, но на меня грозно глянули и приказали:

– Лежи, тебе еще вставать нельзя. Кожа больно нежная. Пусть подживет, я тебя сейчас травками напою, а ты не крутись, потерпи немного. Принцев твоих в деревню отправила, им выспаться надо. А то всю ночь тебя таскали, переживали.

Я пролежала в избушке Яги три дня. Почти все время спала – может, от слабости, может, травки какие давали. Днем в доме хозяйничала пожилая женщина, а ночью возле стола, тихо о чем-то беседуя, сидели три милостивые молодые женщины. Я уже ничему не удивлялась, только радовалась, что так спокойно и тихо. Однажды в избе появились Хи и Ха и очень обрадовались, увидев меня живой.

– С выздоровлением и днем рождения, Лотта, – проговорил Хи.

А потом добавил:

– Не знали мы, что ты девушка, поаккуратнее бы на язык были. Прости.

– Это Вы меня простите, что обманула и сразу не сказала, что девушка, а то не взяли бы вы меня с собой. А так в дорогу хотелось. Вы сильно на меня сердитесь?

– Да уже и отсердились, и отбоялись, – улыбнулся Ха. – Выздоровляй, а как дальше быть – потом решать будем.

И, поблагодарив еще раз Ягинишну, принцы покинули избу. Этой ночью мне разрешили попить чай вместе с тремя Ягинишнами. Одна из них сказала:

– Молодец, быстро поправились. Интересная ты девка, и судьба интересная у тебя будет. Вот ты скажи, сможешь ли ты ответить на мою загадку? Что это такое, что люди теряют, когда становятся старше, и обретают, когда становятся старше, – и нет ничего на свете ценнее этого, и это самая желанная вещь в мире, и если ты не родишься с желанием её обрести, то никогда её не получишь?

В голове ясности не было, и поэтому я, честно подумав, сказала:

– Нет, не знаю.

Ягинишны переглянулись и огорченно сказали:

– Только Василиса одна и ответила на этот вопрос, не зря её теперь Премудрой кличут. Знания это, детка, знания. Твоя судьба еще не написана, но скажем сразу – научиться тебе многому придется, и место учёбы у тебя необычное, но ты на этот путь уже стала – и в дремучем лесу училась, и в дороге училась, и дальше учиться на ней будешь. А странствовать тебе долго придется. Может, и всю жизнь. Надо будет шаг за шагом идти в неизведанное, помогая людям, не имея при себе ничего, кроме собственной настойчивости, храбрости, веры в себя и желания учиться и узнать, кто ты и зачем на этой земле. Любовь тебе и поможет, и научит, однако не лишит трудностей. Но всему своё время, Лотта-Золотушка, краса неписаная. А теперь ложись спать, завтра вернёшься в деревню – и опять в путь. И ещё помни – дух зла является, чтобы забрать жизненные силы, сея страх и сомнения. То, что произошло с тобой, конечно, пугает. Чернобог на этот раз хорошо подготовился: и подкова вовремя сломалась, и девушки гадать решили. Может, это и не последняя его попытка. Но знай – ты сильная, и ты не одна в этом мире. Но от тебя самой многое зависит, чтобы побороть страх неизведанности. И «Только смелость может спасти нас от страха. Если мы не идём на риск, то совершаем насилие над смыслом жизни»¹. А теперь спать.

Попутру я обнаружила на шее странный золотой кулон с красным камешком, но спросить, откуда он взялся, не успела – пришли принцы. Они низко поклонились Ягинишне, обернулись ко мне и сказали:

– Не переживай, дальше мы опять вместе поедem. Хорошо, что ты выздоровела.

Часть вторая. Зимовка – не сказочная, а почти человеческая

Постоялый двор «Приют нужных путников»

Мы ехали все дальше на восток. С деревьев облетали последние листья. Последние перелётные птицы покидали свои края и уносились прочь к теплу, сытости, определённости. А мы ехали вперед и вперед, день за днём, не делая остановок. Мы потеряли счёт дням, тёмные скелеты деревьев не обогревали наши души, а холод, темнота и печаль с каждым днем опускались все ниже и ниже.

Последнюю неделю мы всё больше молчали. Неизвестность снедала нас. Даже Ха, постоянно замечающий что-то необычное вокруг – то птичку, то цветок, то облака – молчал. Хотя Хи, просыпаясь по утрам, спрашивал, как и раньше:

– Здравствуй, новый день, с чего начинаешься? И вообще, что на завтрак?

А Ха говорил (даже если небо было затянуто тучами, или шел дождь):

– Ой, какой прекрасный день! И что хорошего с нами сегодня случится?

Я, когда просыпалась, думала: будет ли чем накормить ребят, попалось ли что в силки, а уж потом – интересно, куда заведёт нас дорога. Прагматично. По-женски. Ну почему на мне больше ответственности? Я ведь младше. Если задуматься, эти месяцы пути многому меня научили. Может, девочки действительно взрослеют быстрее ребят, но порой я чувствовала себя старше принцев, во всяком случае, Ха.

Дорога бежала вперед, и конца ей было не видно. Все реже встречались поселения, все беднее они выглядели, а на обогрев уходило все больше дров. Все чувствовали, что Сива покидает край, и с неотвратимостью понимали, что скоро прилетит холодная зима Морана, сея смерть тем, кто не может жить без тепла, укладывая в зимнюю спячку, тёплую нору. Морана холодная и опасная, она сама неопределённость, ведь что может сделать путник, продолжая путь по её холодным просторам? Смерть, холод, смерть. Морана каждое утро всё явственнее пытается подкараулить и погубить Солнце, и её Черная Луна всё чаще появляется на небосклоне. Всё живое прячется, всё живое спит, всё живое улетает. А мы? Мы идем вперед.

Хорошо мне было в избушке Микулишны не бояться зимы. Хоть и долги зимние вечера, и одна оставалась, без подруг, но училась у знахарки, а потом приходила весна, приходила Леля, приносила зелень, цветы и счастье.

Я опять стала приставать к Хи:

– Не молчи ты в конце-то концов, ты у нас самый умный. Решай, будем поворачивать к дому, зимовать или вперед двигаться?

– Лотта, прости, ты девушка и тебе труднее, чем нам, переносить невзгоды (это ещё бабушка надвое сказала, приспособленные Вы наши), но мы так далеко уехали, что возвращение невозможно, а вперед двигаться мы не можем – зима. Давайте думать. Возможно, нам надо найти место, где мы сможем перезимовать. Я всё надеялся, что мы найдем подходящий городок, поселение или замок, где можно было бы попроситься на зимовку, но ничего нет уже более двух недель пути. Лес и перелески, поле, поле и лес.

Может, я виновата, что мы в таких странных местах, но дорога ведет нас сюда, я её вижу.

По утрам на деревьях появлялся иней, мы теснее жались ночью друг к другу, забывая, кто мы – юноши, девушки – лишь бы не замёрзнуть. Меня положили в серёдку, и по утрам я могла обнаружить себя в кольце рук одного из принцев, а то и двух сразу, при этом грел только прилив крови к щекам от смущения. Чудны дела Ваши, боги.

Проснулась, умылась уже совершенно студёной водой, сбегала проверить силки. Благодарю тебя, Девана, ты не оставляешь нас без улова. Зайцы были жирные, голодными мы не оставались, но так хотелось хлеба, молока, сыра.

– Не гневи богиню, а то голодными будем, – откусывая от ножки, проворчал Ха, когда я сказала, что мечтаю хотя бы о сухарике к мясу. – Вкусные зайцы, да и утку ты вчера приманила, так что полное разнообразие. Ягоды есть, вот компот сварим. Живём, Лотта.

Его жизнерадостности можно было только позавидовать. Вот уж кто не унывал, да и не сильно задумывался о возможных трудностях. Будет день, будет пища.

Может, придёт Морана – зима, Морана – смерть и заберет нас. Мавка говорила, что смерть – это не конец, а переход в другой мир, и бояться не стоит, но мне почему-то хотелось пожить ещё в этом мире.

И когда прилетел в черных одеждах студёный Посвист-Хладовой – ледящий души Северный Ветер – мы решили, что путь надо прекращать и искать, где зимовать.

Когда решение принимается, то и разрешение проблемы приходит. За поворотом дороги неожиданно-негаданно появилась довольно большая постройка с явными признаками жизни. Подъехав ближе, мы увидели надпись: Постоялый двор «Приют нужных путников». Ничего себе название – «нужных путников», а с ненужными как, а мы какие?

Мы стояли у ворот, стучали и ждали. Интересно, мир нам ловушку расставляет, даёт ценные уроки, или, может, и то, и другое?

Ворота со скрипом отворились, и из них выглянул охранник, взглянул на нас и быстро захлопнул ворота назад.

– Неужели мы ненужные путники, Хи? – тихо прошептала я. – Мы, конечно, поободрались, но у вас вид всё равно вполне представительный. Нас немного, и мы не страшные.

Мы опять начали стучать в ворота.

– И не стучите, не открою, – сказал охранник.

– Это ещё почему? Мы что, ненужные путники?

– А вы посмотрите, кто за вами увязался, с ней ни за что не пущу.

Я оглянулась и увидела её. На обочине стояла Бадзула – дух бродяжничества. Худая, оборванная, с наброшенным драным покрывалом, всеми брошенная, в том числе и собой, забытая и нелюбимая. Ближе к зиме она ищет, к кому бы пристроиться в поисках пристанища. Больно кольнуло в сердце, почему-то стало её жалко. Хотя у каждого свой путь и свой выбор, да ещё к тому же она дух нечистый, нельзя её жалеть. На то и рассчитаны её действия. Микулишна учила, что нельзя всех жалеть, некоторые получили то, что заслужили, нам ли понимать волю богов, но если ты можешь что-то сделать от тебя зависящее – делай. Отделяй человека и его суть от поступка, пойми, что им движет, если он ошибся, или его подставила такая нечисть, как Бадзула, пожалей и помоги ему, а если он есть этой сутью – не жалей, гони от себя, не исправишь, только замараешься.

Бадзула смотрела на меня голодными глазами. Вот это новости. Плохи наши дела, потому как если Бадзула к кому прицепится, то неудач не оберешься, а если войдет в дом, то вместе с ней туда войдет лихо, лень, нищета, и обитателям дома покоя уже не найти.

– Скажи, Бадзула, ты решила, что я в душе бродяга, и нам с тобой по дороге?

– У-У-У, – провыла Бадзула и как-то неопределенно качнула головой.

Я испугалась. Вдруг к старости или еще раньше такой стану? Ничего себе дела.

«Да, – подумала я, – я люблю дорогу, путешествия, новые впечатления, но не такой участи себе жду, да и не шатаюсь я без цели. Только этот вопрос еще обдумать надо. В чем разница?»

Мелькнула здравая мысль. А может, это она и не за нами пришла, а в эти «хоромы» хочет заселиться. У их порога сидела и к ним прибиться хочет, и чуяла, что в доме неладно.

– Эй, хозяйка, – набралась я наглости, – это она не с нами пришла, это она сама к Вам прибиться хочет. Скажи им, Бадзула.

– Бу-бу-бу, – проворчала довольно громко Бадзула, как бы подтверждая мою правоту.

– Я расскажу вам, как её не пустить, а вы нас на постой пустите.

Охранник явно заинтересованно засуетился за воротами.

– Вынеси плащ для Бадзулы, но не драный – одеть её надо. Вымети двор да жильё, убери порог, а мусор в восточную сторону выброси. Поклон домовёнку отбей да молока ему налей.

Охранник засопел, но пошел выполнять указания. Крикнул кого-то, и за забором развернулась активная деятельность.

Как только мусор полетел на восток, Бадзула крутанулась вокруг себя и исчезла. Пошла искать другой приют.

Мы облегчённо вздохнули, и в этот момент ворота перед нами открылись.

Наконец-то мы попадем в тепло, и я вымоюсь в теплой воде, высплюсь на нормальной кровати, поем что-то, кроме жареных или запечённых зайцев, и нормально расслаблюсь.

– Лотта, – остановил меня Хи, – я должен тебе кое-что сказать. У нас почти нет денег, я не знаю цену на жильё и питание, скорей всего, денег надолго не хватит. Но я попробую как-то договориться.

Опять новости, да ведь у Хи было с собой немало золотых, да и тратили мы их очень аккуратно. Я посмотрела на него с недоумением.

– Так получилось, Лотта, – сказал Карен и почему-то посмотрел в сторону.

– Да что случилось? Ведь у тебя был совсем немалый запас, и мы не покупали почти ничего.

– Так получилось, Лотта. Были непредвиденные расходы. Поэтому теперь можем оказаться в затруднительном положении.

Навстречу нам вышла хозяйка. Молодая, симпатичная, она встретила нас с доброжелательной улыбкой и сказала:

– Я рада приветствовать Вас под нашей крышей. Вы к нам на зимовку или проездом?
Карен ловко поймал её руку и со всей галантностью, которая была ему свойственна, проговорил:

– Как зовут прекрасную хозяйку, и не будет ли простираться благожелательность её на наши скромные особы?

– Можете звать меня Клевенс.

– О прекрасная Клевенс, да будут долгими годы Вашей жизни, и пусть радость живет под Вашей крышей. Сложными путями пришли мы в Ваш уютный приют. Нам очень нужно жильё, но мы находимся в некотором денежном затруднении, и если у Вас найдется работа для нас с братом, мы с удовольствием будем работать за жильё и простой стол для нас.

Вот так Карен. Интересно, а что он вообще может делать? Раньше не замечала за ним прикладных навыков. Судя по его рассказам, все его умения были связаны с управлением королевством, отвлечёнными знаниями о мире – географии, математике, придворном этикете и другой, не применимой в быту, ерунде. Даже охотились они с егерями и собаками, а так добыть пищу у них не очень получалось. Не чувствовали они зверье.

– Разве вы можете что-то делать? Насколько я вижу, ваше происхождение не предполагает склонности к столярным или кузнечным работам, – улыбнулась Клевенс.

– Но мы можем выполнять любую тяжёлую работу.

– Например, пилить и рубить дрова? – хитро усмехнулась хозяйка.

– Всенепременнейше, я всю жизнь готовил себя к пиленые и рубке дров, это мое второе призвание.

– А первое какое?

– Пока неясно, я к нему только готовлюсь.

Удивлению моему не было предела, воспринимала-то я их как принцев и не задумывалась, что они действительно всю дорогу обеспечивали нас дровами. Мы готовили пищу на костре, и проблема с готовкой и обогревом из-за недостатка топлива никогда не возникала. Наши обязанности как-то распределились сами собой. Я охотилась и готовила, иногда мне принцы этом помогали, а костёр и ночлег был полностью на них.

– Ну что ж, помещение большое, нужно постоянно поддерживать огонь, чтобы было тепло, а Франс – это он встретил Вас у ворот – один, и ему довольно трудно справляться. С этого дня вы работаете истопниками и ещё так, на подхвате.

– Мисс, я тоже могу на что-то согдиться, – я вышла вперед, так как не привыкла, чтобы за меня кто-то отдувался. – Я могу быть полезной как уборщица и посудомойка, а главное, думаю, смогу обеспечивать дом мясом, у меня имеются некоторые навыки охоты.

– Договорились. Будем считать, что в «Приют нужных путников» прибыли истинно нужные путники.

Её лицо отражало искреннюю доброжелательность.

– Мой дом странно называется, но ведь знаете, «как лодку назовёшь, так она и поплывёт», поэтому – как дом назовёте, так и жить в нём будете.

Мы осмотрелись, внутри помещение было большим и довольно уютным. В зале-столовой стоял большой стол и несколько маленьких. Главным же украшением был большой камин, который не только обогревал, но и очень украшал гостиную. Возле камина стояло несколько кресел, в которых можно было греться и смотреть на огонь. Очень уютно.

– Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

Моя комнатка была небольшая. Основное место занимала кровать, покрытая простынями с весёленьким рисуночком, также имелся шкаф, вот только складывать мне было нечего, а жалко, после купания переодеться в чистое хотелось бы. Да и истрепалось всё уже сильно.

Стоящая рядом Клевенс, кажется, поняла проблему.

– Не переживай, раз уж ты у меня теперь работаешь, я обеспечу тебя чистым платьем и сорочкой.

Каким блаженством было смыть грязь дороги. За последние две недели из-за холода практически невозможно было нормально вымыться. В довольно большую бадью с тёплой водой я быстро нырнула с головой. Хорошо, волосы не длинные, свою рыжую шевелюру быстро отмыла. А мыло-то какое душистое. Как мало иногда человеку надо для счастья.

Комната принцев была не так далеко. Они у меня неприхотливыми стали, быстро их привычка к комфорту выветрилась. Дорога не терпит неженки.

К вечеру мы спустились в гостиную. За столом и столиками сидело шесть человек кроме нас. И все такие разные.

Принцы были сильно голодными и присели за стол, на котором стояла большая миска с пирожками, а я осталась стоять с хозяйкой и рассматривала постояльцев.

За одним столом, напротив друг друга сидели довольно молодой мужчина и девушка, но их явно ничего не связывало друг с другом, каждый был сам по себе, живя в своих мыслях, воспоминаниях. Но они чем-то неуловимо были похожи друг на друга. Иногда они перекидывались ничего не значащими словами, просто чтобы заполнить пустоту вечера и души. «Что-то с ними не так, – мелькнула у меня мысль, – потом разберусь». И взгляд скользнул дальше.

В самом конце зала совершенно отдельно сидел еще один человек, на которого вообще невозможно было смотреть спокойно. Неопределённого возраста, скорее старый, он, казалось, собрал в себя всю вселенскую тоску и боль. Неопрятный не потому, что обтрепался, а потому, что ему было все равно, как он выглядит, и что вокруг. Жизнь не представляла для него никакого интереса, да и было понятно, что в этой жизни он видел всё и всех. Такого невозможно ничем удивить, будто он познал всю скорбь и отчаянье мира. И почти полное безразличие – умрёт он завтра или будет жить дальше.

Да. Таких людей я еще не видела.

Удивлённая, я обернулась к Клевенс и шепотом спросила:

– Кто этот странный человек, и почему он забился в самый дальний угол?

– О, это Собиратель людских грехов, он собирает их у тех, кто искренне покаялся, чтобы они могли дальше жить. Он берёт их на себя и сейчас явно взял слишком много – ни унести, ни смыть в простой реке уже не сможет. Если не удастся избавиться от чужих грехов в течение месяца – погибнет. Он не может есть, только пьёт. Душа больше не принимает ничего. Посмотри, какой он худой.

Я немного жалостливая от природы, и мне нестерпимо захотелось хотя бы просто поздороваться с ним и чем-то утешить, сказать, что всё еще может быть хорошо.

– Лотта, не прикасайся к нему, это опасно. Он как натянутые до предела меха, а они могут лопнуть, тогда нам всем достанется. Если он выпустит эти грехи в мир, многим плохо придётся, и нам в первую очередь.

– Клевенс, – еще более тихо спросила я, – если он так опасен, зачем ты егопустила?

– А что ему, помирать на морозе? Жалко ведь человека. Всякому, даже проклятому, нужен отдых. Мы так и зовем его – Собиратель.

– Странное имя.

– Здесь у всех истинные имена или соответствующие состоянию на этот момент. Я, например, знаю, что тебя зовут Ловелия – прекрасная. А мое имя Клевенс обозначает предвидение.

– Вот ведь издеваются каждый, кому ни лень, – насупилась я. – Нашли прекрасную. Просто обидно, ей богу, кому я что сделала, что обзываются.

– А это Фантом. Ты видишь его? – и она указала, на что-то прозрачное, отдаленно напоминающее фигуру мужчины, мерцающее сбоку от у Клевенс. – Он призрак. Мирный и сим-

патичный. Он мне очень нравится, только это секрет, – тихо прошептала она мне на ухо и засмеялась.

Да, страшенькая компания тут собралась. И я продолжала дальше рассматривать публику.

– А это Кающийся. Его душа мучается и сгорает от стыда за содеянное.

– Он сделал что-то ужасное? – тихо ахнула я. – Убил?

– Нет, что ты. Многие такое совершают, но некоторые осознают это особенно остро и, пока не ситуация не изменится, жизнь их теряет смысл. Почему богиня наказала этим жгучим страданием именно его, не знаю. Говорю тебе, многие совершают подобное.

– Клевенс, но тут же есть Собиратель грехов, почему он не поможет ему? Одним грехом больше, одним меньше, взял бы и забрал.

– Легко сказать: отдать грех кому-нибудь – сборщику грехов, богине – и успокоиться. Может, он раскаялся не до конца, зацепка или осуждение в душе остались, может, есть грех, за который надо просить прощения только у того, перед кем виноват. А это потяжелее, чем покаяться перед богами или раскаяться самому.

– А что, с тем, перед кем он виноват, ему трудно встретиться и поговорить?

– Его невозможно найти в Яви. Лотта, я думаю, тебе нужно поесть, а с людьми и после ужина можешь познакомиться. Помогать начнешь с завтрашнего дня, мне трудно одной управляться. Думаю, стоит послушать вот того симпатичного мужчичку, это менестрель-сказитель. Он собирает предания и удивительные истории. Он очень много знает. Его здесь так и зовут – Сказитель. Тебе понравятся его баллады, и будут полезны его истории. Может, и Ваша история его заинтересует.

– Да нет никакой истории, Клевенс.

– Как знать, как знать, – сказала загадочно Клевенс. – У нас есть время, тебе будет интересно и полезно познакомиться с постояльцами.

Я присоединилась к ребятам, которые с удовольствием уминали невероятно вкусные пирожки. Вот только были они сладкими. Как я забыла, завтра вся шелушиться буду да с пятнами на пол лица. Та еще красавица. Но мысли текли все медленнее и ленивее. Сегодня и разговаривать ни с кем не хотелось, усталость брала свое. Хотелось есть и спать, спать и есть, и еще лежать в теплой воде и смывать с себя усталость, пыль дороги и трудности.

Утром выпал снег. Первый снег. Как же ты бываешь прекрасна, Морана. Как будто очищаешь весь мир от грязи и греха, покрывая его своим белоснежным покрывалом. Прости меня за осуждение, ты просто иная, чем Жива, но тоже прекрасная. Искрились снежинки, прихорошились ёлки, став не такими суровыми и тёмными. На небольшом окне скакали воробьи и озабоченно щебетали. При такой красоте не хотелось думать о том, что может налететь вьюга, заметая все вокруг. В камине потрескивали дрова, а работу, на которую мы подрадились, никто не отменял.

Утром принцы пошли рубить и пилить дрова. Я выглянула во двор, и в голове мелькнула в который раз мысль – до чего красивы. Как ладно работают. Под тонкими рубашками перекачивались мышцы. Движения выверенные, точные, приятно посмотреть, как будто с топором с детства знакомы, а не в королевских палатах выросли.

Хи и Ха посмеивались и ловко складывали дрова в поленницы, а я накинула плащ, взяла силки и пошла искать хорошие места, тропки, где их поставить. По первому снегу и охотиться легче, видно, кто и где пробежал.

День прошел в заботах, да и коротким он стал, не заметила, как вечер наступил. Хотелось получше присмотреться к нашим соседям, уж очень необычными и загадочными они были.

В гостиную к вечеру опять собрались все постояльцы. Что, интересно, они вообще днём делают? Гуляют? Книжки читают?

Клевенс сидела и вышивала. И напевала интересную песню.

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому
Чего у него нет.
Мудрому дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится,
Господи, твоя власть,
Дай рвущемуся к власти
Навластвовать всласть.
Дай передышку щедрому
Хоть до исхода дня,
Каину дай раскаянье
И не забудь про меня.

Я знаю, ты все умеешь,
Я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо
Тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим.

Господи мой, Боже,
Зеленоглазый мой,
Пока Земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока ей ещё хватает
Времени и огня,
Дай же ты всем понемногу,
И не забудь про меня.
Булат Окуджава

– Что ты напеваешь, Клевенс, откуда такая красивая песня?

– Это песня другого мира, у нас тут перепутье недалеко, песни и даже люди в особую ночь залетают. Я прошу этого незнакомого мне бога не забыть про меня. А песня помогает раскрыть тайну и понять, что нужно и что ждет человека в будущем. Не для каждого человека боги дают мне откровения. Но кому они хотят его дать, приводят ко мне в приют. Я вижу это, а вышивка моя для них иногда становится ключом для дальнейшей жизни. Могу открыть секрет, у меня есть дар «наузника», волхва, который, совершая обряд плетения или вышивания нитями, может повлиять на течение жизни человека или открыть его будущее.

– Так ты и для нас что-нибудь вышишь?

– Обязательно.

– А себе ты тоже можешь вышишь?

– Вот себе я не могу вышить ничего. Я не могу даже носить одежду, которую сшила сама, мне её надо покупать, я могу только дарить и через подарки передавать предвидение. Я только проводник знака судьбы, пророчества, ожидаемого события. Если начну вышивать себе, то нарушу это условие, и мой дар пропадет. В чем тогда моё предназначение? Но ведь и самой тоже хочется счастья, поэтому и прошу не забыть про меня. Ночами бывает так одиноко и холодно, – и она посмотрела в сторону призрака.

«Странный взгляд», – промелькнуло в голове.

– Уж он-то как может согреть? – спросила я тихо. – Он вообще разговаривать умеет?

– Умеет, но слышу его только я, и он очень-очень милый, только тело своё найти не может.

Его Фантом зовут.

– А оно у него осталось?

– В том-то и вопрос, тело где-то есть, но неизвестно где, а душа в призраке. Вот он и не может найти тело – оно-то без души. Если бы оно было мертво, то душа ушла бы в Навь, и он бы долго не просуществовал, а так живёт у меня с весны. Поэтому есть надежда, что тело обнаружится.

– А как он тело-то искать будет? И почему здесь сидит? Полетал бы, поискал.

– Так просто не найдешь, оно ж бездушное, неизвестно где шатается и что делает. Скорее всего, оно в другом мире, в этом мире без души недолго живут, а в том бездушных множество, и живут они прекрасно. А он мечтает с богами пообщаться, вдруг они помогут.

– Да как он с богом собирается знакомиться? Они, я думала, появляются, только когда сами захотят, а так – где их искать?

– Да будет скоро случай. Тут все его ждут.

И она загадочно посмотрела на меня.

Какой-то уют тайн, люди странные, судьбы странные. Непонятно, что ждут. И чего мы тут среди этих странных оказались?

Хи и Ха в это время о чем-то оживленно беседовали со Сказителем и жевали пирожки. Вот только мне сладких не надо, а то сегодня золотуха замучила.

Чтобы не соблазняться, пошла и присела за столик к молодой женщине, которую вчера заметила сидящей с мужчиной. Сейчас она сидела одна и печально смотрела в окно.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась я, – можно к Вам присесть? Я недавно приехала и чувствую себе немного потерянной, ни с кем ещё не знакома. Я Лотта, но Клевенс почему-то называет меня Ловелией, а это страшно раздражает. Это просто издевательство какое-то, хотя я вижу, что хозяйка добрая.

– Меня зовут Фрости, вроде бы это означает замороженная. Тоже довольно смешно, как и в твоём случае. Ты, конечно, хорошая, но явно не красавица.

Странные здесь иногда появляются имена. Девушка улыбнулась.

– Да, новеньким тут не просто. Здесь своеобразный уют, и почти у каждого имя соответствует его настоящей или будущей роли в жизни. Моё имя сейчас вот такое, и пока моё будущее не ясно, как и твое. У каждого свой путь, может, ты ещё будешь красивой. Сюда не попадают просто так, и сидящие тут люди не просто путники, все ждут дня, вернее, ночи...

Она остановилась.

– Может, тебе и не надо это знать, – и замолчала.

– Нет, мы с парнями не ждём ничего особенного, мы остановились просто перезимовать. Зима, а мы в пути, вот и решили где-то в тепле пересидеть морозы.

– Нет, Ловелия, сюда просто так не приходят. Путь сюда отыскать трудно, но для того, кому очень надо, он сам сюда заворачивает.

– Да ничего нам не надо особенного, честное слово. Мы вот ехали-ехали, вокруг ни одного поселения, не то что постоянного двора, я дорогу каждый день видела, просто холодно стало, вот и решили остановиться. А как решили, так к этому дому и попали.

Фрости улыбнулась краешком губ.

– Я рада, что Вы здесь. Не знаю, для чего, но ты нам нужна.

– Да что мне, принцев мало, я им тоже нужна – дорогу показывать. А вообще-то мне не жалко помочь, особенно если это так важно. Расскажи свою историю, если это, конечно, не секрет и не сильно тебя напряжет, вдруг чем помогу, хоть словом добрым.

А сама подумала – может, пойму, что я должна сделать-то, раз без предназначения сюда никто не попадает.

– Нет, не сложно и рассказать, я вот Сказителю рассказала, да и этому мужчине, с которым мы часто вместе сидим, у него немного похожая история.

Фрости, или история мучительно-поучительная

Мне тогда семнадцать лет стукнуло. Самое время влюбляться. Веселая, шепутная, певунья. Всегда лезла с головой, куда не нужно.

Встретила его – он вернулся со службы, такой красивый, сильный, таинственный, много повывавший. У нас в деревне немногие ходят на службу, деревенька-то маленькая. А тут такой парень – необыкновенный. Девчата в деревне как с ума посходили, все вокруг него вьются. Ну и я за компанию, сначала из любопытства, а потом уже серьезно. Как захлестнула меня любовь, ничего в голове нет. Только он, он, он. Самый-самый, единственный, другого не может быть. Умру, если не женится. Девчата говорили, что я хорошенькая была, да настырная. В общем, стала я с него глаз не спускать. Семья моя была не самая бедная в деревне, отец постоянный двор держал, маленький, но путники не жаловались, хоть кто у нас останавливался, не только крестьяне, что на ярмарку шли коров да коз продавать, а и публика побогаче и познатнее. Я завидной невестой по деревенским меркам была.

А он как вернулся, так погуливать стал, на девок заглядываться, да мать у него строгая больно – увидела, что сын может сильно загулять, сразу начала ему невесту присматривать. А я вся как на ладони со своей любовью. Вот мать ему и присоветовала на меня внимание обратить – мол, неплохая партия может быть. Чем не жена? Не уродка, ловкая, смышленная, не ленивая, да и приданое отец за меня неплохое давал. В общем, сосватали. Я была от счастья на седьмом небе. Вот как всё замечательно складывается. В осень и свадьбу сыграли. Он, как мы обженились, стал отцу помогать, лишние руки не помешают. Он не вредный был, не бил, не шибко ругал, если что не так. Чем не муж. Девчата завидовали: повезло тебе, Стефания, такой мужик достался. Только было возле него как-то холодно, будто смотрит он на меня, а думает о чём-то другом. Целую его, а губы холодом обдаёт, хоть и целует, не просто так к губам прислоняется. Но я, горячая да глупая, думала: если и не любит горячо, как я его, так моей любви на двоих хватит.

Зиму перезимовали. А весной его друг приехал и стал с собой звать в городишко, что не так уж и далеко от нас был. Мол, чего в этой дыре сидеть, там и людей больше, и работа денежнее, да и жизнь веселее. Муж загорелся, видно, тяжко ему в деревне было, не того от жизни ждал. К лету решили попытать счастья в городе. С моего приданого, да и отец помог дочке единственной, на въезде в город купили землю и быстро построили небольшой трактирчик. Я уж как только не украшала его: и ставенки резные заказали, и лавки удобные, столы особенные, чтобы не как у всех. Пока строились, пошла куховарить учиться, изысканные блюда готовить, чтобы посетителей вкусненьким побаловать. Ни дня, ни ночи, цель вижу, препятствий не замечаю. К осенней ярмарке открылись, я как юла и на кухне, и в зале бегаю, всем угодить стараюсь, а самой весело – вон ведь как красиво да чисто. Да и вкусно у нас все получалось. Посетителям нравилось – и стол хороший, и постели чистые, и хозяйка приветливая. К весенней ярмарке у нас от постояльцев отбоя не было, многие просто покушать приезжали, такстряпня моя им нравилась. Уже я себе и помощницу взяла, хорошую, работящую девушку, она по залу

тоже, как ветер, летала, не хмурилась. Помню, посетители говорили: «У тебя, Стеша, как в зале посидишь, да вкусенького съешь, а ты улыбнешься, так на душе, как от вина, тепло. Как тебе так удается?» Я только улыбаюсь. Чего не улыбнуться-то: и мне веселей, и людям приятно. Уже и на улице столы поставили, некуда людей сажать стало. Люди приходят, доход растет. Возле трактира немного земли было – так я там свежую зелень выращивать стала.

У нас даже столичные да знатные останавливаться стали, я несколько комнаток с особым комфортом обставила. Муж выручку считает, вроде бы радоваться должен, а он это все как должное принимает.

Через время стала его подговаривать построить трактир побольше да поуютнее, да и свой дом пора бы построить, что в трактире в маленькой комнатке уютиться. Только он мне говорит: тебе надо, ты и строй. Мне и так хорошо. Ладно, не воспрещают, так и прокрутимся. Стала у селян, что сильно спешат домой, товар брать, да своего человека на рынке поставила им торговать, какая-никакая копейка пошла, дом новый заложили, придумала, какой он будет, землю под еще один трактир прикупила, потом стройку начала. Все ладится, энергия через край бьет, людям улыбаюсь, а они мне.

Мне уже за двадцать перевалило, я расцвела вся, приделась, мужики все чаще засматриваться стали, только муж совсем мне улыбаться перестал. Ни слова доброго не скажет, ни приголубит. Только и грело, что людям труды мои небезразличны. Ничего, моей любви на двоих хватит, я сильная да ловкая, удачливая. Вот уже и в доме своем живём, и трактиров два, один для люда попроще, второй с приличными комнатами, где и дворянину остановиться не зазорно. А я все придумываю, какое бы дело еще затеять. Открыла школу кухарок, они и учатся, и мне помогают, опять же деньги, лучших учениц себе оставляю. Все в радость, только мужу никак и ничем не угожу. Я уж и так, и эдак, и про деток стала поговаривать, ведь годато идут. А он – как ты работать-то с дитём будешь. Подождем.

Семь лет прожили. Да и не только ради денег я занятия придумывала. Хотелось и самой почувствовать, что могу что-то сделать путёвое, чтобы людям радость и особенно муж похвалил, погордился: вот какая у меня жена хозяйственная да умелая. На все глаза закрывала – что горничных тискает, что барышням богатым странные, лукавые улыбки посылает, что выпивать стал, что до всего нашего дела ему интереса нет, скучно оно ему. Но ведь муж, да еще красивый, желанный. Только не греет он меня своей любовью. Ничего, сама его согрею, я все могу, я сильная, вон сколько всего напридумывала. Вперед, улыбнемся, песню вечером со сказителем споем, да и расшевелим любого унылого, еще и танцевать заставим. Но вот вдруг (не люблю я это слово) муж присаживается за столик и говорит так спокойно-спокойно:

– Устал я от тебя, Стеша. Другая приглянулась, уходила бы ты отсюда. Она молодая, богатая, отец ее в столице не последний человек, продам всё, уеду туда и новую жизнь начну, столичную, отдохну от этих твоих постояльцев, надоели – жрут да пьют, я возвышенного хочу, необычного. Да и в постели Кларочка уж больно мастерица, не то, что ты, дура деревенская, тонкостям искусства любви не обученная.

Как сказал он это, так сердце мое будто Морава-смерть в полон взяла: биться бьется, а не чувствует ничего – ни горячего, ни холодного, ни боли, ни радости. Только и спросила:

– А я куда же?

– А вот это меня не касается, ты ловкая, что-нибудь да придумаешь. Только имущество все мужу принадлежит. Ты тут никто, и зовут тебя никак. Мое все по закону, всё имущество за мужем записано. А ты? Вон светлый лорд на тебя глаз положил, можешь к нему в полюбовницы идти, только кому ты больше, чем на три раза в постели потешиться, нужна, нет в тебе женской силы, что мужиков держит. Пустая ты, а в постели, что кукла.

Это я – то кукла? Когда я от одного взгляда, от одного прикосновения его загоралась, и внутри вся таяла, только бы приголубил, в постели согрел. Я даже не заплакала, отвернулась и пошла. Три дня под лестницей в трактире для посетителей попроще, где он и не бывал уже,

пролежала, будто окаменелая. Сердце вообще льдом обросло. Любила я его сильно. Не поверила сперва, что такое быть может. Что ему нужно, моей же любви на двоих хватало? Можно было, конечно, к градоначальнику пойти, может, какое имущество и оставили бы мне, да и вообще, может, бросать бы меня запретили, я этими законами не интересовалась. Мысль одна крутится – уйти, ну не из жизни, конечно, грех это, а далеко, будто и не жила здесь никогда. В деревню не возвращусь, родителей позорить, а куда?

Вышла вечером – то ли я живая, то ли призрак, шататься не шатаюсь, а улыбнуться не могу. Тут один сказитель сидел, часто к нам заживал. Увидел меня и говорит:

– Ты ли это, Стеша? Так все плохо?

– Может, и не я, – говорю, – кто знает.

А он посмотрел на меня, накрыл руку своей рукой и говорит:

– Чтобы сердце разморозить – у тебя один путь. Если угодно будет богине Макоши, направит она твоего коня в место, где Велес в дикой охоте в зимнюю ночь пролетать будет. На восток надо ехать, там находится место – Перекресток, или Перехлестье миров называется, там

Я не заплачу, я буду идти,
Пусть не вижу, что впереди
Я не брошенная, не оставленная,
Я печалью не раздавленная,

Хотя сердце еще заморожено,
и судьба моя искорежена.

Ты меня променял пусть
На другую, на молодую,
На богатую, статную, знатную
И в постели очень приятную.

Я не заплачу и не завою,
Сердце уже не чувствует боли.
Всё равно душа хочет жить,
Свое прошлое изменить.

Буду опять повторять упрямо:
Голову вверх, держим спину прямо.
Я не брошенная, не оставленная,
Я печалью не раздавленная,

Поэтому не заплачу и не завою,
Не захлебнусь в отчаянии и горе,
Хоть и сердце мое заморожено,
и судьба моя искорежена.

Завтра будет день, а потом ночь.
Перехлестье беду унесёт прочь,
А коней богов сумасшедших бег
Унесёт мороз и растопит снег.

Я не брошенная, не оставленная,

Я печальми не раздавленная

К нам подошла Клевенс.

– Извините, что вмешиваюсь в разговор, хочу ещё раз сказать, – она качнула головой и присела рядом с нами. – Фрости, прости, но думаю, у тебя была не любовь, а страсть. В истинной любви любят не только тело, но и душу. А ты душу его тёмную не видела, просто телом симпатичным очаровалась. Себе напридумывала, сама себя уговорила и, как околдованная, вокруг него крутилась. Но все тайное когда-нибудь становится явным. Вот и у тебя прояснилось. Лучше раньше, чем позже. Одной страстью долго не проживешь, даже если она обоюдная. Фрости, хорошая ты моя, ты сильнее, чем думаешь, я чувствую, вижу это в твоём взгляде. Смотри прямо в глаза, не бойся, не опускай ресницы, кто бы ни стоял перед тобой: муж, друг, враг, зверь или даже бог. Только слабые опускают перед небом свои глаза. Дай почувствовать, понять, что в тебе есть сила и стержень, иначе тебя сломают, раздавят. А тебе, Ловелия, скажу: да, это не простой приют, сюда приходят люди, которым нужно изменить что-то или помочь кому-то, а может, просто открыть глаза на то, на что они были закрыты. Но чаще всего они приходят сюда потому, что ищут самое важное для себя – свое предназначение. Также для того, чтобы или избавиться от любви, или найти её. Иногда чтобы помочь в этом другим. И ещё дорога сюда учит, как быть сильным и чувствовать себя сильным.

Она резко повернулась и пошла в зал.

– Спасибо, Клевенс, ты необыкновенная, – почти хором сказали мы.

Я пошла обратно к принцам, сидевшим со Сказителем.

– Ты как, Лотта, – спросил Хи, – не сильно устала?

– Да нет, нормально, мне здесь нравится, хотя и странно все: люди, их ожидания. Правда, тут так много боли, она как огромные сугробы, что вырастают, когда Морана в полной силе приходит. Но приют прячет нежные травы под этими сугробами, давая надежду и не позволяя им окончательно замерзнуть.

– Ожидания всегда странные, – вдруг сказал Сказитель, – а живые люди всегда интересны. Вернее, если они живые. А мне нравится это ожидание чуда. Но об этом завтра, а то я потеряю нить истории, которая у меня родилась, пойду додумаю. Чуть–чуть не проворонил начало новой сказки. Замечательной!

Молодые глаза лукаво посмотрели на нас.

– Хорошего отдыха, – и покинул нас.

– Ты знаешь, – опять сказал Хи, – мне здесь нравится больше, чем во дворце, все проще и в тоже время таинственнее. Очень хочется услышать завтра рассказ Сказителя. А вообще работать топором здорово, эти тебе не указы писать. Веселее и, наверное, полезнее.

И они с Ха весело засмеялись.

Что-то внутри пропело: «Молодые еще, совсем мальчишки. И к р а с и в ы е».

Утром мне снилась вьюга, заметающая все следы, несущийся куда-то по воздуху в санях закутанный в шубу человек и необыкновенный парень с развевающимися волосами. Сани облетают огромный дуб, и парень протягивает девушке руку. Она ухватилась за нее, и на этом я проснулась. Сон был невероятно яркий и реалистичный.

Вскочила, умылась и пошла проверять силки. Людей-то кормить надо. Зайцев развелось множество. В силки аж три штуки попало, неплохо. Если так будет всегда, голодными не останемся. Потом уборка, какая-то суета. Чуть-чуть помогла парням перетаскивать. В доме было тепло и уютно. Не страшно, если прилетит ледяной северный ветер – не в поле, не замёрзнем.

Хи и Ха работали справно, попилили и порубили имеющиеся стволы, потом поехали в лес за сухостоем, потом опять пилили и рубили, немного поупражнялись с мечами, а для разрядки устроили игру в снежки, снег еще лепится. Я тут вышла во двор – и меня забросали.

Прямо в лоб попали. Больно. Но я тоже ловкая, отбивалась. Ко мне присоединилась Клевенс, против этих двоих недорослей одной не справиться. Как мы играли, все постояльцы смотреть выбежали, но растормошить их не удалось. Просто стояли и смотрели, не сдвинулись, руки не подняли, ну правда – замороженные. Но я попробую их растормошить, чего бездельничают, хоть и за постой заплатили.

Есения. История Предназначенной

Работа не кончается, если ее не остановить, а я уже подустала, поэтому пошла в зал поесть и отдохнуть.

Сказителя в зале ещё не было, и я обратила своё внимание и захотела познакомиться с миловидной девушкой, которая сидела и явно скучала. Она, наверное, ненамного меня старше. Грустная тоже, как многие тут.

– Здравствуйте. Я не помешаю вашим размышлениям? – спокойно сказала я.

– Что Вы, это возможность отвлечься от моих навязчивых мыслей, я со своим нытьем всем уже надоела. А тут новые люди. Меня тут зовут Предназначенная, а раньше была просто Есения – ясная значит. Знаете, как тут с именами странно. Вас, слышала, Ловелией зовут?

– Да, здешние имена меня напрягают, а моё просто на издевательство похоже. Так и хочется Клевенс мелкую пакость за это сделать. Вообще-то я Лотта, и можно на ты. Мы путешествуем с парнями по их делам. Так уж получилось, что мы едем вместе.

– Но они же мужчины, они к тебе не пристают, хоть ты и не истинная красавица? Вы же всё время вместе. Неужели и мысли не проскочило?

«Ну, если и проскочила, – подумала я, – то, наверное, только у меня, они свой мужской опыт у Марьи Искусницы повысили и надолго, думаю, зареклись от шалостей. На подвиги их теперь явно не тянет, и не думают они об этом. А мне бы, как любой девушке, хотелось чего-то эдакого – мягкого внимания хотя бы».

– Нет, что ты, кто они и кто я? У нас просто дружеские отношения, никакой дури. Я на работе у них по найму.

– Да, у тебя всё ясно и определенно, а вот я сама не знаю, что тут делаю, может, меня с таким именем вообще в жертву кому-то принести хотят.

– Ну, не придумывай лишнего, люди здесь хотя и странные, но явно не злодеи. Расскажи, как ты сюда попала?

– Сама не понимаю, как всё произошло. Понимаешь, я обычная, про таких говорят – ни то– ни се, ни себе – ни людям. Никаких особых способностей ни к чему нет. За меня все решали родители – что надеть, что поесть, чему учиться, кукла их любимая. А я послушная, тихая, спокойная, что скажут, то и делаю. Родители любят, учат, одевают, мечтают хорошо выдать замуж. Чтобы счастливо жила – детки, муж, дом. А вот как к этому пошло, поняла – мне этого не хочется. Не хочу замуж за какого-то толстобрюха старого и облезлого. Богатых, молодых, красивых, чтобы в мою сторону засматривались, не наблюдается, да и не хочу пока ни дома своего, ни ухажеров – ни красивых, ни богатых. Когда об этом думаю, в душе пустота, в ушах звон – не твоё, подожди. Будто обещают что-то непонятное, манят неведомым. А я обычная, ничего не умею, никого не люблю, и себя в первую очередь. Наверно, не все девушки такие, наверно, некоторым приходится становиться самостоятельными. А мне зачем? Ведь, как говорит мама, всё должен обеспечить муж. Он защитит, решит проблемы, расскажет, как жить дальше, будет любить. Вот так и жить по указке, жить жизнью, которую тебе выбрали? А главное, как «Это», то есть меня такую, кто-то будет любить? Расскажи мне? Или как я такая кого-то смогу любить? Вот сижу тут и всех спрашиваю, особенно Клевенс, зачем меня сюда привело. У всех свои проблемы, и серьезные, а я не пришей кобыле хвост. Я слабая девушка – прекрасный цветок без колючек, который погибнет, если за ним не ухаживать. Ненужная и

никчемная. А что ждать, кого ждать? Неясно. Принца на белом коне – так для таких, как я, принцев не напасешься.

– Ой, да придумывают разное про принцев, вот со мной двое едут, и оба на белых конях, а присмотреться, так обыкновенные парни, только красивые и поумнее многих.

– Что, правда, принцы?

– Принцев не бывает.

– Повезло тебе, Логта.

– Да в чём? Вот то, что спутники они мои – да, повезло, а то, что принцы, так в дороге что принц, что нищий одинаково мокнут и мёрзнут. Как люди они интересны, да вот, наверно, Сказитель тутошний как человек поинтересней будет. Помогаю им, хорошие парни, а дорога интереснее. Мы едем уже больше двух месяцев и за это время научились понимать друг друга с полуслова, знаем слабости и особенности каждого, умеем прощать, не обижаемся на шутки, иначе в дороге нельзя, не перебрасываем обязанности на другого, не ноем. Особенно мне нравится, что они понимают – приказывать им некому, мы на равных в пути, иначе бы рассорились. Все-таки Расскажи, как ты тут оказалась, ведь сюда просто так не попадают, как говорит Клевенс.

– Ох, – вздохнула нареченная Предназначенной, – это довольно загадочная история. Мне с конца лета стали сниться сны, вернее, один сон. Будто скачу я в санях, рядом сидит кто-то страшный, лохматый, закутанный в шубу, а вокруг вьюга метёт, ночь тёмная, а конями управляет парень с развевающимися волосами. Мы несёмся не по земле, а по воздуху, навстречу вихри снежные летят, и слышится жуткий собачий лай. Странный сон, и так почти каждую ночь. Потом появилась навязчивая идея уехать из дому, узнать, где этот сон реализуется. Я отродясь далеко никуда не ездила, а тут ехать неизвестно куда. Только так меня мысли замучили, что стала говорить родителям, что хочу попутешествовать, мир посмотреть. Тут меня как подхлестнуло что-то – должна уехать, и всё. Даже настойчивость какая-то появилась. Мать рыдает: какое путешествие? Говорит, что я умом повредила, а я не отступаю. Родители, видимо, решили, что на всё воля богов, для чего-то и я пригожусь. Снарядили небольшую коляску, няньку мою ко мне приставила. Ехали месяц, измучились на постоянных дворах, я как сюда добралась, няньку домой отправила, поняла, что здесь долго ждать надобно. Вот и сижу, жду у моря погоды. Но внутри поспокойнее стало, сон этот уже не мучает, только вот скучно, да и страшновато от неизвестности.

Вижу, мается девка, как неприкаянная сидит, а чем поможешь, когда непонятно, к чему она предназначенная. А вот интересно, многие бы – и уверенные, и опытные – решились бы всё бросить и ехать искать своё предназначение в полной неизвестности? Ещё раз посмотрела ей в глаза, а там било ключом, горело и лилось через край желание жить необычно, ярко, насыщенно.

– А что ты вообще умеешь делать и что любишь?

– Да как все – читать, писать. Вот рисовать люблю, меня даже учили малость. Однако жить без этого могу спокойно. Да и видела я, как мастера рисуют, мне до этого уровня не дойти, ради чего бумагу марать.

– Есения, вот возьми и порисуй, время быстрее пройдет и не так переживаниям предаваться будешь. Пойдем, у Клевенс бумагу да карандаш попросим. Я тебя с ребятами моими познакомлю, приходи, вместе поужинаем, поговорим, только не жалуйся, мужики этого не любят.

Взяла несколько листов бумаги и карандаш, и мы с ней направились к столику, где уже сидели принцы и Сказитель. Вскоре к нам присоединилась Клевенс, а за ней прилетел Фантом. Этот странный призрак всё время оказывался рядом с хозяйкой, как только она присаживалась вечером за столик и брала в руки вышивание. Он как телохранитель устраивался у неё за спиной, застывал и с немым обожанием, если это можно было сказать про призрака, смотрел на

Клевенс. Первый раз, когда я увидела, как они кивают друг другу головами, как будто ведут беседу, я очень удивилась и, когда была потом на кухне, спросила об этом Клевенс.

– Да, так и есть, мы беседуем с Фантомом, с ним интересно общаться, только наши беседы неслышны. Здесь никто, кроме меня, не может слышать его, просто моя душа нашла общий язык с его душой. Он не может произносить слова, тела-то нет, но мы слышим друг друга каким-то образом, и он очень интересный собеседник.

Сказитель о Дикой Охоте

Увидев, что за большим столом стал собираться народ, все, кроме Собирателя грехов, стали подсаживаться поближе.

Мужчины приветственно закивали головами, заулыбались, предвкушая рассказ Сказителя.

– Приятного аппетита, присоединяйтесь, – произнес Сказитель. – Ваши зайцы, Ловелия, невероятно украшают наш стол. Все очень вкусно.

Мы жевали, обменивались ничего не значащими словами и ждали рассказа Сказителя. Любопытство меня так и распирало. Таинственность происходящего в приюте бередила душу и воспаляла фантазию. Почему здесь все эти люди, и мы в том числе?

– Таинственность происходящего, – как почувствовав мое неуёмное любопытства, вдруг начал Сказитель, – объясняется тем, что всё ожидаемое тут действительно сложно и неоднозначно. По установившейся традиции где-то перед Новым годом, в который день, неведомо, над этими краями на черном скакуне проносится Велес – скотский бог – в сопровождении стаи огненных гончих. Они гонят небесных оленей. Страшен бог в своём азарте поймать добычу. Его сопровождают призрачные рыцари, умершие великие воины на таких же черных конях. Воют огненные гончие, сверкают красными глазами призраки, страх и ужас разливается вокруг этой погони. Души умерших несутся вместе с ним в Навь. Ничто не может остановить Охоту, никто не должен появляться у них на пути, иначе смерть. Поняв, что Охота приближается, смертные должны закрыть глаза, чтобы они не остекленели от ужаса, и пасть на землю. Не все переживают, встретив охотников на своем пути. Но многое дается в минуты, когда Велес проносится над путником.

– Неужели люди рискуют искать возможность пересечься с такой Охотой? Это же невероятно опасно, как Вы сказали. А можно как-то уменьшить риск?

– Рискуют, Ловелия, рискуют, так как у каждого своего обстоятельства. Иногда их изменения настолько важны, что люди идут на любой риск, чтобы уйти от прошлого и поймать хоть тень надежды на будущее. Или у них просто нет выбора, и продолжать жизнь такой уже не имеет смысла. Вот, например, наш Собиратель грехов, если он не сможет в течение ближайшего времени смыть накопленные чужие грехи, он умрет. Стоит рисковать ему или нет? Думаю, стоит, и он будет это делать. Или Фрости. Как ей жить с замороженным сердцем? Она будет рисковать, за этим и приехала. Или Кающийся, что проделал долгий путь ради того, чтобы очистить боль сердца? Или Бездушный, Борислав – как он будет жить без души?

– А я, – спросила Предназначенная, – я сама добровольно пойду на эту страшную Охоту, буду рисковать непонятно ради чего?

– Ты уже приехала сюда, значит, шаг навстречу судьбе сделан, трудно остановиться на переправе, может снести.

Я моргала глазами: мы что, все здесь потенциальные жертвы дикой охоты? А я и принцы для чего?

– Не удивляйся, Ловелия, твое присутствие необходимо. Я догадываюсь, что без твоей помощи не обойтись. Так же как нет пути назад у принцев. Вас привело сюда, и остался путь только вперед. Роль принцев еще определяется в руках Макоши, она сучит нить их судьбы,

и там видно будет, что она соткет. Видишь ли, существует шанс – возможность выжить в это время. Для того чтобы выдержать и не пропасть в вихре Дикой Охоты, надо находиться возле великого Дерева Мироздания. Только держась за него, за его ствол, можно пережить неистовство Охоты. Сказывают, что если в такую ночь смертные стоят возле Дерева Мироздания, то в момент, когда пролетает бог со своей свитой и собаками, открывается на небе Перекресток миров; боги Прави снисходят к смельчакам и страждущим, и многие чудеса могут произойти с ними. И Леля, Лада и Сива своей всеобъемлющей силой любви касаются храбрецов, изменяя их судьбы. Много удивительного происходит в эту ночь. Мне лично ничего не надо изменять в своей жизни, но я Сказитель, и без событий моя жизнь не имеет смысла.

Потом он продолжил.

– Святое Дерево Мироздания имеет вид могучего дуба, что корнями уходит в Навь, ствол и ветви его в Яви качаются, а макушка упирается в Правь. Но не просто найти Дерево Мироздания. Оно становится видимым только в ночь охоты, а в обычные дни путь к нему закрыт семью печатями, покрыт завесой невидимости. До этой ночи искать его бесполезно. Но и в эту ночь только сама богиня Макошь, или видящая пути, может проводить к нему. Судя по тому, что рассказали про ваши путешествия принцы, ты, скорей всего, призванная стать видящей пути, Ловелия. Это удивительный дар, редко кому даётся, я таких ещё не встречал. Но так ли это или нет, будет известно только в ночь Дикой Охоты. Так что от тебя многое зависит.

Я вздохнула. Без меня меня женили. Ведь не собиралась я ни на какую охоту, хотя интересно посмотреть на этот летящий ужас, да и людей, что тут томятся в ожидании чуда, жалко. Только страшно очень.

– А скоро Охота эта произойдет?

– Этого никто не знает, сначала будет предзнаменование. Что это или кто это – никто не знает, но сказывают, когда придёт, не ошибётесь, узнаете, не перепутаете.

Принцы, которые сидели до этого молча и, насупившись, слушали историю, переглянулись, и Хи сказал:

– Мы проделали большой путь вместе и не бросим Лотту одну в этом ужасе, если она решится идти. В ответе мы за неё. Значит, пойдём с ней. Это не обсуждается.

– Да погодите, спасибо за поддержку, но идти пока некуда. Чего забегать вперед, ничего же ещё не ясно.

И все, перебивая друг друга, начали обсуждать услышанное. Особенно переживала Предназначенная. Она считала себя обычной девушкой, не способной ни на какие подвиги, но я видела, как в глубине глаз ее загорается желание участвовать в этом странном и опасном мероприятии. «А она молодец – пронеслось в голове – не впадает в панику и явно способна к неожиданным поступкам».

– Ловелия, все, кто прибыл сюда, уже вступили в игру с судьбой. Её нельзя остановить. Пути назад для них уже нет. Если начавший путь сейчас отступится, разуверится, предаст свою мечту, его ждет горькое разочарование. Богиня Макошь отвернет свой лик. И тогда возьмёт в свои руки его судьбу Недоля, будет управлять жизнью старуха Лихо Одноглазое, доведя его до того, что душа отправится в Навь, а оплакивать его могилу будут Карна с Жалею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.